

ОГОНЁК

№ 26 ИЮНЬ 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вы видели их
На весенних проспектах
Москвы,
Вы слышали их,
Пролетающих брата с сестрою,
И вновь
Если летчика с девушкой
Встретите вы,
Как знать, может, это
Грядущего штурма герои!

ПЕРВОЙ В МИРЕ СОВЕТСКОЙ
ЖЕНЩИНЕ-КОСМОНАВТУ УРА!

Москва. Товарищ Н. С. Хрущев разговаривает с космонавтом В. В. Терешковой, совершающей полет на корабле «Восток-6». Вместе с Н. С. Хрущевым у телефонного аппарата Л. И. Брежнев и А. И. Микоян.

Фото А. Устинова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 26 (1879)

23 ИЮНЯ 1963

41-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. Красная площадь, 16 июня 1963 года. Москвичи восторженно приветствуют новых героев космоса.

Фото Е. Умнова.

ИХ ПОДВИГ—САЛЮТ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Вы у нас в сердцах,
родные Валентина и Валерий!

В зале заседаний Пленума.

18 июня в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум открыл Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев. С докладом «Очередные задачи идеологической работы партии» выступил секретарь ЦК КПСС товарищ Л. Ф. Ильичев. Затем на Пленуме развернулись прения по докладу.

СВЕТЛЫЕ ДУМЫ, ВЫС

Николай ШУНДИК

Опять два наших космонавта на огромной скорости вторглись и в космос и в наши души, выведя на орбиту не только свои чудесные корабли, но и самые светлые думы, самые высокие чувства советских людей.

И когда я думаю о новой победе советских людей в космосе, она неизбежно и естественно связывается с Пленумом ЦК КПСС, с большим разговором об очередных задачах идеологической работы партии. Именно там, на Пленуме, было высказано много такого, что еще больше усилило то особое магнитное поле, в котором невозможен душевный хаос, путаница мыслей, мелочность устремлений. Сила этого магнитного поля — нашей коммунистической убежденности — уже десятки лет захватывает в сферу своего неодолимого влияния все больше и больше честных людей во всем мире.

Это очень беспокоит идеологов буржуазного общества. Что они только не делают, чтобы разрушить стройную систему магнитного поля необычайно притягательных коммунистических идей! И особенно им хочется вывести из сферы нашего магнитного поля хотя бы какую-то часть молодежи. Основной расчет делается на то, что молодой ум в пору исканий смутить легче.

Но можно с полной уверенностью назвать самый главный просчет буржуазных идеологов: им не суждено измерить глубину души нашего молодого человека, высоту его гражданского духа, они не понимают, к кому адресуются. Ведь совершенно очевидно, что они адресуются к карлику, тогда как перед ними стоит великан.

Да, мещанин — представитель вырождающегося у нас племени духовных карликов — может клюнуть на приманки буржуазных идеологов. В мизерной душе его может найти отзвук все то, от чего непомерно раздувается самомнение, расслабляется воля.

Нашлись у нас такие молодые люди, которые потрафили в своих заграничных турне трубадурам буржуазной идеологии. По ту сторону баррикад кое-кто из наших врагов уже довольно потирал руки. Видимо, они тешили себя мыслью, что мало-помалу им удастся вывести из сферы нашего идейного влияния целое поколение — поколение сыновей. Они заискивающе гладили по голове одного-двух молодых литераторов, которых нынче зовут у нас иронически «мальчиками», и представляли себе, что имеют дело с типичными представителями нынешнего молодого советского поколения. Так и хочется сказать: да полно вам, не туда смотрите! Не вниз, не на «мальчиков» надо смотреть, а вверх, туда, где Валерий Быковский и Валентина Терешкова, туда, где летали их четыре «звездных брата». Это и есть самые яркие, самые типичные представители нынешнего молодого советского поколения. Посмотрите, сколько людей во всем мире рукоплещет им! А это значит, что магнитные силовые линии нашего коммунистического влияния выстраивают в умах всех честных людей в очень стройном порядке самые ясные, самые добрые, самые светлые мысли. А когда происходит такое, человек становится на сторону коммунистов.

Высота взлета советских космонавтов и гигантская траектория полета их кораблей как бы символизирует масштаб, которым только и возможно измерить глубину души нового советского человека. В этой душе никогда не найдет ни малейшей зацепки ни одно из пропагандистских ухищрений наших идеологических противников.

Надеясь на то, что наш молодой человек душою мещанин, буржуазный пропагандист говорит: «От вас требуют железной дисциплины, и это в ту вашу молодую пору, когда вам хочется порезвиться. Это же ограничивает вашу личную свободу». А великан с космической высоты на весь мир отвечает: «Дисциплина в нашем советском обществе не подавляет, а оберегает человеческую свободу.

Где нет дисциплины, там анархия, там насилие. Не было и не будет у нас свободы для тунеядцев, хулиганов, спекулянтов, для изуверов из религиозных сект. Мы никому не позволим у себя поднять руку на человека только за то, что у него другой цвет кожи. Можете кричать о вашей свободе на весь белый свет сколько угодно. Однако стон раненого негра говорит о вашей «свободе» совсем другое, и куда красноречивее!»

Буржуазный пропагандист идет на другую уловку. У вас, мол, требуют ясности убеждений, но такая ясность ко многому обязывает. Не лучше ли брести в тумане? Если толкнул кого, иначе говоря, сподличал, причинил боль ближнему, — извинился, и все. Виноват, дескать, не видно, бреду в потемках. А великан отвечает: «Да, мы за ясность убеждений, и пусть она ко многому нас обязывает. Человек должен быть чело-

Ученые — участники Пленума: президент Латвийской Академии наук К. К. Плауде, академик Н. М. Сисакян и президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.

Герой Социалистического Труда Н. Г. Заглада, Н. П. Хрущева и секретарь ЦК КП Узбекистана по идеологической работе З. Р. Рахимбабаева.

Композитор Т. Н. Хренников, поэт С. В. Михалков и Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени XXII съезда КПСС Винницкой области, В. М. Вакуч.

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев открывает Пленум.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Пахомова и А. Ляпина.

ОКИЕ ЧУВСТВА

веком. Не зря же нашим девизом стало: человек человеку друг, товарищ и брат».

Бывает, что буржуазный пропагандист заходит к нашему молодому человеку с другой стороны. Мол, в тебе вытравляют стремление к наживе, к блестящей карьере, частнособственнической инициативе, но это же начисто убивает возможности проявить себя как личность. К тому же ты страдаешь как личность еще и по той причине, что тебя растворяют, нивелируют в коллективе. А великан все с той же непомерной высоты достойно возражает: «Да, мы презираем страсть к наживе, считаем ее патологичной. Нас освободили от вековечной унизительной власти «золотого тельца». Это одна из величайших свобод, которая в вашем «свободном мире» людям и не снилась. Да, мы не ищем шаткой лестницы, по которой карабкаются вверх карьеристы. Но зато мы вон на какой высоте!» И дело здесь не только в космической высоте, доступной лишь космонавтам. Дело в том, что у нас давно исчезло старое представление о субординации, о месте человека в обществе. В зале Верховного Совета могут сидеть рядом и шахтер и генерал. И значок депутата Верховного Совета — это есть тот самый знак отличия, по которому можно определить их одинаковое звание. Это звание: достойный советский человек! А что касается нивелировки личности в коллективе, то это не более как бред. Наоборот, именно коллектив товарищей, истинных друзей, как правило, примечает малейшее своеобразие каждой личности. И если коллектив видит в своих рядах одаренного, он сделает все, чтоб талант его не остался незамеченным. Спросите многих и многих наших замечательных певцов, ученых, спортсменов, какую роль в их творческой судьбе сыграл коллектив. Это будет для вас неутешительный ответ, господа буржуазные пропагандисты. А разве не сыграл свою роль коллектив в судьбе каждого космонавта? Пусть на собраниях не выдвигали их кандидатуры в будущие астронавты. Происходило это, видимо, иначе. Но разве члены отборочной комиссии обошлись без мнения коллектива, когда так строго, так взыскательно отбирали людей для космических полетов?

Пускаются буржуазные пропагандисты и на такой прием. Мол, вас обязывают уж слишком почитать отцов, ценить их заслуги. Авторитет отцов подавляет вас, не дает вам развернуться. Мол, коекого из вас часто одергивают: будь скромнее, посмотри, у тебя пока больше амбиции, чем амуниции. А ты не верь! Ты уже гений!

И тот, у кого и вправду больше амбиции, чем амуниции, после такой похвалы действительно будет во всю мочь пыжиться. Возможно, в разгоряченном своем воображении ему покажется, что он перерос отца — отца в большом, обобщенном смысле этого слова. Но тот, кто считает, что герои-космонавты вывели на орбиту и его сердце, скажет другое. По мысли это будет звучать примерно так: руки наших отцов, те самые руки, которые крепко держали винтовку, молот и серп, и есть та надежная стартовая площадка, с которой мы выходим на космическую орбиту. И никому никогда не удастся поссорить нас с отцами.

Известно, с какой благодарностью и любовью думал о своем отце Валерий Быковский, когда шел на свой подвиг. Известно, какие чувства переполняли Валю Терешкову, когда она старалась представить себе отца, погибшего на фронте. Вот эти думы, эти чувства молодых космонавтов об их отцах и есть истинное отношение детей к отцам в нашей стране. Да и в самом их подвиге, великом подвиге героев космоса — торжество нашей идеологии, торжество ленинских идей.

...Далеко видно с космической высоты. А кто видит далеко, тот и мыслит глубоко. Можно считать, что на космической орбите — ясные думы советских людей. Думы, которые не оставляют равнодушным ни одного честного человека на земле. Магнитное поле наших идей становится все более и более притягательным. Мы трезво оцениваем их гигантскую силу. Мы знаем, и об этом еще и еще раз напомнил нам Пленум ЦК партии, что воспитание нового человека — это самое трудное дело коммунистического преобразования. Но кто может сомневаться в том, что народу-гиганту и это трудное дело по плечу! Ведь нами руководит Коммунистическая партия — политический и духовный вождь советского народа.

Секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев выступает с докладом «Очередные задачи идеологической работы партии».

Герой Социалистического Труда В. И. Гаганова, дважды Герои Социалистического Труда Г. Е. Буркацкая, Е. А. Долинюк и народный художник СССР В. А. Серов.

Председатель Государственного комитета высшей школы Литовской ССР Г. К. Затулес, председатель Союза художников Литвы профессор И. М. Кузьминскис и заслуженный артист Литовской ССР И. И. Каваляускас.

У книжного киоска.

ПРИЗЕМЛИЛИСЬ!

Н. С. ХРУЩЕВ:

«Своим полетом Вы прославили нашу Родину и подняли на еще большую высоту советскую женщину».

Из телефонного разговора Н. С. Хрущева с Валентиной Терешковой после ее приземления.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

«Вы возвысили нашу Родину своим героическим полетом. Это большой вклад в наше дело, в дело борьбы за построение коммунизма. Народ очень гордится Вами».

Из телефонного разговора Н. С. Хрущева с В. Ф. Быковским после его приземления.

Земные цветы в «садике космонавтов». Фото А. Романова.

Я — «ЧАЙКА»

Алексей ГОЛИКОВ

Испытание воли

Спортивный самолет делает короткий пробег и, легко оторвавшись от земли, уходит в воздух. Валя Терешкова с парашютами — основным на спине и запасным на груди — сидит на заднем сиденье. Впереди нее — инструктор Владимир Кондратьев. Когда он поворачивает голову, она видит его загорелую щеку и порыжевшую на солнце бровь.

Самолет плавно набирает высоту. Зеленое поле аэродрома словно опускается ниже, ниже... Смотреть на него совсем неинтересно. Он теперь зеленый прямоугольничек, и только. Зато видны Ярославль, Волга. По мосту ползет поезд, окна вагонов подмигивают Вале солнечными зайчиками. И люди, идущие по улицам родного города, и пассажиры поезда, и даже родная мать Елена Федоровна не знают, что вот сейчас она, Валя, совершит первый в жизни прыжок с парашютом.

На комбинате «Красный Перекоп», где работает Валя, организовали парашютный кружок. Но никто не думал, что Валя в него запишется. Худощавая, хрупкая на вид девушка играла в волейбол, немного занималась легкой атлетикой, но больше любила музыку и прогулки за город.

На «Красном Перекопе» Валю уважали за добрый, веселый нрав, за сердечное отношение к товарищам. Но ведь для прыжков с парашютом не это нужно. Нужны еще мужество, хладнокровие, находчивость, сильная воля. Недаром инструктор аэроклуба, призывая комсомольцев заниматься парашютизмом, называл его спортом смелых.

«А я смелая?» — спросила себя Валя и ответила: «Пожалуй, нет!.. А почему нет?! Должна быть смелой!» — и записалась в кружок.

Ну что ж, занятия как занятия, зачеты как зачеты. Но когда инструктор сказал: «Выспитесь как следует, хорошо отдохните, завтра прыгаем»,— сердце у девушки екнуло. Тревога, волнение не покидали ее весь вечер. Правда, ночь она спала спокойно, как всегда, крепко, без сновидений, но утром опять...

«А ведь я боюсь,— призналась себе Валя.— Только бы на аэродроме не заметили». Впрочем, замечать было некому. Каждый сам старался скрыть свои чувства. Одни стали чересчур оживленными, другие — молчаливыми и задумчивыми. Ну, а инструктор? Тот отлично знал, что испытывает человек перед первым прыжком с парашютом. Сам прошел через это, сам боялся.

Самолет приблизился к расчетной точке прыжка. «Как, однако, до земли далеко,— думает Валя.— А вдруг парашют не раскроется?» Парашют Валя изучила хорошо, знала, что он безотказен, надежен, да и инструктор говорил: «Парашют открывается так же неизбежно, как день сменяет ночь». Да, но то было в классе, а тут небо.

Кондратьев дает команду приготовиться к прыжку. Валя выполняет команду, теперь она знает, что прыгнет. Только бы поскорее! Оглядывается на инструктора. Тот, словно не замечая ее, смотрит куда-то вперед, на землю. Наконец поворачивается к ней, улыбается и коротко командует: «Пошла!»

Еще на аэродроме товарищи шутили: «У тебя, Валя, счастливый номер парашюта. Двадцать одно. Три семерки».

Вот он наконец, шаг в небо! Сколько прошло времени? Кажется, очень много. Что случилось с парашютом? Почему не открывается?? Вдруг рывок, падение прекращается, и тишина. А вверху белый зонтик. Все в порядке.

Валя поудобнее усаживается в подвесной системе. Дышит тяжело, словно после быстрого бега. Оглядывается вокруг. Какой простор! Хорошо. Здорово. Красиво. Однако радость скоро сменяется тревогой. Кажется, что чем ближе земля, тем парашют опускается быстрей. Нормально ли это? А куда ее несет ветер? Ну, конечно же, спиной вперед. Это опасно, можно сильно ушибиться. Валя разворачивается, теперь все хорошо. Но уж очень быстро происходит спуск. Вот она, земля! Толчок, и Валя лежит в высокой траве аэродрома.

В парашютной книжке воздушной спортсменки Вали Терешковой этот первый прыжок отмечен датой: 21 мая 1959 года. В графе «Оценка» поставлена пятерка.

Когда теперь еще будут прыжки? Должно быть, не скоро. А небо манит к себе голубой бездонностью. Парашютный кружок — хорошо. Но это — только начало.

В воскресенье Валя пошла в ярославский областной аэроклуб. На улице перед входом стоял грузовик. Воздушные спортсмены отправлялись на аэродром. Они сидели в кузове и пели шутливую песенку о смелости и мужестве парашютистов. Каждый куплет кончался словами:

Друг другу мы желаем
Ни пуха ни пера!

— Нравится песня? — спросил ее высокий немолодой летчик в кожаной куртке.

— Да. Вот хочу заниматься в аэроклубе. У меня уже один прыжок есть.

Тот, высокий, в кожаной куртке, оказался заместителем начальника аэроклуба по политчасти. Звали его Павлом Михайловичем. А фамилия — Теперский.

Павел Михайлович служил в авиации почти тридцать лет, любил ее, но всегда помнил, сколь она требовательна к авиаторам. Теперский предупреждал Валю, что воздушный спорт — очень строгий спорт, что он не прощает ни малейшей ошибки. Парашютизм требует большой тренировки, а ведь Валя работала, заочно училась в техникуме и к тому же еще была членом райкома комсомола. Хватит ли времени?

— Хватит,— ответила Валя.

Как не надо прыгать

Тени облаков медленно скользят по зеленому полю аэродрома. Жарко. Валя ждет своей очереди тренироваться на батуде — туго натянутой резиновой сетке. Теперь

ей здесь все близко и знакомо. Она уже опытная воздушная спортсменка. За плечами несколько десятков различных прыжков с парашютом.

Техникум окончен, но свободного времени у Вали стало еще меньше. Ее избрали секретарем комитета комсомола комбината «Красный Перекоп». И еще она член обкома комсомола. Работы, как говорится, выше головы. Но на парашют, как обещала замполиту, время находит. Ее тренирует Валентин Диунов, да и не он один: командир парашютного звена Станислав Морозычев и Александр Михайлович Рощин.

Из них самый молодой — командир звена. На службе он официален, строг, но слишком часто посматривает на Валину подружку Таню. Вместе с ними Валя часто проводит время.

После ночных прыжков они ходят купаться на водную станцию «Динамо». Сторож Нефедыч, бывший военный матрос, их давно знает. Но всегда ворчит. Для порядка.

Валя очень любит эти ночные купания.

Хорошо подняться на вышку и посмотреть вниз, на черную воду. В воде отражаются звезды — миллионы далеких, неведомых миров! Валя прыгает. И звезды несутся ей навстречу. А потом хорошо лечь на спину в теплой, ласковой воде и смотреть в звездное небо...

...Валентин Диунов вызвал Валю на батуд.

— Буду опять пробовать делать сальто,— сказала она.

— А не боишься?

Сальто на батуде у Вали не получалось. В последний раз чуть шею не свернула. А теперь опять за свое. Диунов не стал возражать, он уже знал ее характер...

Валя никогда особенно не задумывалась, что такое характер. Она, пожалуй, лучше знала, что значит для человека настроение. Вот что случилось однажды, когда она поддалась плохому настроению.

— Что, соловушка, не весел, случилось что? — спрашивает замполит Теперский.

Он вместе с парашютистами едет на аэродром. Сегодня авиационный праздник. Его питомцы будут прыгать. Один прыжок — на точность приземления — сделает спортсменка первого разряда Валентина Терешкова.

— Соловушка весел,— через силу улыбается Валя.

Дверь кабины самолета открыта.

— Ни пуха ни пера,— говорит Диунов.— Пошла, Валюша!

Пошла... Через положенное число секунд открылся парашют. Внизу видна мишень — белый крест из двух полотен. Но что это? Парашют перестал слушаться. Ее резко сносит в сторону. Девушка не сразу поняла, что ветер переменился, но было уже поздно что-либо предпринять. Валя приземлилась далеко от мишени.

Инструктор долго перечислял Валины ошибки в воздухе, а в заключение сказал:

— Прыжок был, конечно, показательный... Как не надо прыгать...

Эта фраза показалась Вале обидной.

— Вон, смотри, как Таня идет на мишень,— добавил инструктор.— Она точно рассчитала.

Таня опустилась прямо на белый крест.

Прыжки кончились. В воздух поднялись летчики-спортсмены. Все уставились вверх, а Валя отошла в сторонку и побрела к центру аэродрома, к мишени, бросилась на ее белое полотнище и неожиданно горько заплакала.

«До чего же все неудачно сложилось,— думала Валя.— Может быть, совсем парашют бросить?»

Подошла Таня.

— Валька, милая, брось ты реветь. Мы тебя обыскались. И чего расстраиваешься? Ты же отличная парашютистка. А неудачный прыжок может быть у каждого.

А через несколько дней Валя попросила замполита разрешить ей участвовать в показательных прыжках на воду.

— Пошла! — командует Станислав и легонько касается Валиного плеча.

Сегодня Валя спокойна, уверена в себе. Прыжок выполнен точно, без ошибок.

Нет, не бросит она этот спорт! И опять грузовик едет на аэродром и из кузова рвется шуточная песня парашютистов «Ни пуха ни пера», в которой прибавился новый куплет:

О космосе мечтая, в полет
стремимся мы,
Чтоб прыгать нам не с неба,
А с Луны.

Однажды вечером Павел Михайлович Теперский пригласил Валю к себе в кабинет. Там сидел незнакомый человек и перелистывал ее личное дело.

Скоро Валя уезжала из родного Ярославля. В тот день случилось еще одно большое событие в ее жизни: Валю приняли в Коммунистическую партию Советского Союза.

«К космическому полету готова!»

В комнате по-девичьи уютно. На письменном столе ваза с веткой сирени, стопка конспектов по аэронавигации, астрономии, медицине, высшей математике, астрофизике... Эта комната — в «звездном городке».

Валя сидит за столом и, отложив учебник, пишет письмо в Ярославль замполиту аэроклуба:

«Добрый день, Павел Михайлович! Дела у меня идут пока нормально, день начинается с утренней зарядки в 7.00 утра, отбой в 11.30 вечера.

Много приходится заниматься как учебой, так и физкультурой. Прыгали утром и ночью, на воду. Все нормально прошло. Прыжками довольна, по правде сказать, они мне очень многое дали. А сейчас напряженная рабочая обстановка...

Ну вот, кажется, и все.

Желаю Вам всего хорошего.

С уважением Валя».

Валя смотрит на часы и встает из-за стола. Пора идти на занятия...

* * *

...Время, уложенное в жесткий распорядок дня, бежит быстро. Валя успешно сдала экзамен и прошла все тренировки. И вот наступил день, когда впервые в истории планеты радиостанции приняли из космоса женский голос:

— Я — «Чайка»... Вижу горизонт. Это Земля! Какая она красивая!..

Этот снимок сделан несколько лет назад на аэродроме областного аэроклуба. Валя Терешкова — крайняя справа.

Любимая песня... Фото АПН.

Вы видели их

Всеволод АЗАРОВ

Вы видели их,
Проходивших весенней
Москвой,
Пилота и девушку,
Но догадались едва ли,
Куда устремился
Валерия взгляд волевой
И что означает
Суровая сдержанность Вали.

Навстречу вставали проспекты,
Бульвары, сады,
И каждое деревце
Радостно их окликало,
И Красная площадь
Свои диктовала мечты
В еще не заполненный лист
Бортового журнала.

Вы видели их,
Дорогие друзья москвичи,
Вы шли с ними рядом,
Бессчетные гости столицы.
И ласково трогали
Яркого солнца лучи
Упрямые пряди
И крылья на синих петлицах.

О, как вы прекрасны,
Спокойное мужество глаз
Отважных героев,
Чья юность прошла
в комсомоле,
И верность сердец,
Что хранят материнский наказ,
Вдали от Земли
Выполняя отцовскую волю.

Вы видели их
На весенних проспектах
Москвы,
Вы слышали их,
Пролетающих брата с сестрою,
И вновь
Если летчика с девушкой
Встретите вы,
Как знать, может, это
Грядущего штурма герои!

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ!

Михаил ДУДИН

Знать, глубина заоблачной Вселенной
Под стать глубинам наших жадных душ.
Мы все в разведке вечной и бессменной,—
Летим в огонь
И в лед полярных стуж.
У каждого в пути своя вершина чести,
Эльбрус своей мечты,
Вершина из вершин.
Душа к душе
И локоть к локтю —
Вместе
Мы к общему содружеству спешим.
Чем выше—тем смелей.
Чем круче — тем упрямей.
Характер наш таков —
Не отступать в бою,
Пройти живым в колючей звездной рани
У вечности и бездны на краю.
Счастливый путь!
Под сердцем песня рядом.
Космических пространств зрачки пронзает
лед.
Восторженным и беспокойным взглядом
Ловлю меж звезд живой души полет.
Счастливый путь!
Пространство спит глубо́ко.
Я с вечностью Вселенной говорю.
...И видит снова мир,
Как над Землей с востока
«Восток» проносит наших душ зарю.

Чтоб каждому дому добыть по счастливой звезде

Дмитрий БЛЫНСКИЙ

В деревне у нас
Вечерами дымились лучины
Да в праздник свеча
Одиноко дрожала в углу.
И жили веками
Валерии и Валентины
И грустно глядели
В седую тревожную мглу.

А звезды зовущие
В окнах горели знакомо,
Склоняясь над темной,
Над вечно глухой стороной.
И предки вздыхали:
О, если б для каждого дома
Могли они снять
Ну хотя б по звезде по одной!..

Заветная сказка,
Явись ты и сделайся былью
Пускай не для них,
А поздней, для вихрастых
внучат,
Чтоб выросли крылья,
Крутые и сильные крылья,
На месте, где остро
Худые лопатки торчат...

Вставайте же, предки,
И горькие думы отбросьте,—
Давно на Руси
Наступила иная пора:
К ликующим звездам
В ракетах стремительных
В гости
За братом небесным
Небесная мчится сестра.

Вставайте же, предки,
Не знавшие света и хлеба,
Ушедшие с горя
На отдых на дальний погост,—
Не ваши ль потомки
Руками касаются неба,
Здороваясь запросто
С доброю тысячью звезд?!

Кого благодарить за омлет

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Если вы будете отдыхать в Крыму и вам подадут на завтрак нежную куриную котлету или вкусный омлет, ешьте себе на здоровье и благодарите не только повара. Не забудьте при этом вспомнить добрым словом Александру Гетьман, Валентину Козину, Степана Ватулева.

Что это за люди?

Это рабочие птицесовхоза «Южный» из-под Симферополя. Они и их товарищи имеют непосредственное отношение и вашей котлете или омлету.

К ним, в поселок совхоза, едет все больше и больше гостей. Едут соотечественники, едут иностранцы. Присматриваются, изучают опыт, всем интересуются...

Бывает здесь много корреспондентов, писателей. Кто пишет очерк, готовит репортаж, кто ищет прототипы героев своих будущих произведений.

— Пожалуй, пришло время строить не только птичники, нужна уже и своя гостиница,— всерьез поговаривают хозяева. И, конечно, такая гостиница не пустовала бы.

И еще огромная почта идет в этот поселок под Симферополем на имя Гетьман, Козиной, Ватулева и их товарищей. Идут газеты, журналы, бандероли с книгами. Идут письма — простые, заказные, идут телеграммы — обыкновенные и правительственные... В совхозе получили два поздравления от Никиты Сергеевича Хрущева. Значит, большие дела здесь.

В прошлом году труженики совхоза сдали государству 31 миллион 400 тысяч яиц и 1 288 тонн птичьего мяса. Тринадцать птичниц получили по 1 миллиону 377 тысяч яиц — тринадцать миллионеров стало в коллективе! Четыреста тысяч рублей чистой прибыли получил совхоз, хорошо заработали его люди.

Это заслуги птичниц. А Степан Ватулев здесь при чем?

— Ватулев — это золотая голова и золотые руки,— говорит директор совхоза Георгий Хачирашвили.— Это один из механизаторов, а механизация у нас решает все.

И действительно, какую птичницу ни спроси о секрете успеха, она прежде всего покажет на кнопочки, конвейеры и назовет их изобретателей.

В совхозе механизированы такие трудоемкие процессы, как приготовление, раздача кормов и поение, сбор и укладка яиц в ящики. Теперь тут идут дальше — переводят все эти механизмы на автоматическое программное управление. Это даст возможность одной птичнице обслуживать по 21 тысяче кур-несушек. В обычных условиях на сто полученных яиц затрачивается два часа. Это, как здесь говорят, курам на смех. В механизированных птичниках такого же эффекта достигают за пятнадцать минут. А, например, Валентина Козина — за восемь минут. Круто снижается себестоимость продукции. Потребитель — не сказочные дед с бабкой, им не нужно золотое яичко, им подавай простое, посвежее да подешевле...

Работница освобождается от тяжелых физических усилий, она становится больше зоотехником, механизатором, человеком умственного труда. Пока работает автомат, она следит за другим — чтобы в кормах было достаточно белков, витаминов, минеральных веществ: ведь от этого зависит продуктивность птицы.

Вот что значит переложить основной труд на плечи механизмов.

...Когда-то цыплят по осени считали. В «Южном» их выращивают круглый год и круглый год считают. Дела идут хорошо. В этом году совхоз решает большую задачу. Он обязался сдать государству 36 миллионов яиц и 1 550 тонн мяса.

Решают эту задачу общими усилиями Александра Гетьман, которую дважды поздравил с трудовыми успехами Никита Сергеевич Хрущев и которой недавно присвоено звание Героя Социалистического Труда, ее лучшая воспитанница Мария Стоколос, Валентина Козина, Елизавета Бибик, Степан Ватулев, решают эту задачу их многочисленные друзья. Будут здесь новые миллионеры.

Их и благодарите за нежную куриную котлету, за вкусный омлет.

Никита Сергеевич Хрущев поздравил с выдающейся трудовой победой птичниц совхоза «Южный» Крымской области А. П. Гетьман, Е. А. Бибик, Л. Г. Косинову, В. Т. Турченко, В. Г. Гуденкову, М. В. Сидельникову, Е. Л. Уколову, М. П. Доронину и весь коллектив птицесовхоза. На нашем снимке: Александра Гетьман, Елизавета Бибик, Валентина Турченко и Марфа Сидельникова.

Фото Н. Козловского.

В «общежитии» десятки тысяч кур. Но обслуживает их один человек. Здесь все трудовые процессы механизированы.

КОСМОНАВТУ

Микола УПЕНИК

С земли из-под малых ладоней
с друзьями глядел в небосвод,
следя, как в лазури бездонной
за тучи взмывал самолет.

Вот так в буревые просторы
веков, устремленных вперед,
Икара пытливые взоры
впивались в орлиный полет...

Орбит величавые дуги,
звенящий в полете металл
раскрыл чародей из Калуги —
двадцатого века Дедал.

В ракете, к созвездиям взвитой,
где даже и бог не бывал,
ты вывел себя на орбиту
и взором планету обнял.

Корабль от земного порога
во тьму унесется, как свет.
Чумацкая станет Дорога
обычным проселком ракет.

г. Киев.

Перевел с украинского
Л. Вышеславский.

ВЫСОТА

Рассказ о жизни Космонавта-Пять Валерия Быковского

А. ДЕНИСОВ, О. КУПРИН

Он летел над планетой и смотрел в иллюминатор. Где-то далеко-далеко внизу Земля. Он видел ее моря, океаны, материки и слышал по радио ее разноязыкую речь. А Земля говорила о нем, волновалась и радовалась за него.

Высоко. Очень высоко. В иллюминатор заглядывает любопытная Луна. Скоро и до тебя дойдет очередь, полночное светило!

...Тихо. Внизу грохочет планета, родная, самая красивая во всей вселенной — со снегом и сиренью, с песнями и слезами. И Валерий опять смотрит на свою родную Землю. Далеко она сейчас. Труден путь человека в такую даль. Это его третья высота, но сначала была...

...первая

Валерка, готовый в любое мгновение к прыжку, присел, сжался в комок. Нападающий команды соседнего двора обвел одного защитника, обманул другого, и вот он уже один на один с ним. «Эй, вратарь, готовься к бою!..»

Вратарь не двигается. Замер. Удар! Валерка пролетает над портфелем, заменяющим штангу. Болит коленка, лицо в пыли, но зато мяч — вот он, в руках!

Подходит защитник, помогает подняться, а сам ворчит:

— Чего прыгал-то? Этот всегда мимо бьет. Мазила!.. Я бы забил.

Валерка и сам видел, что мяч идет мимо и прыгать в общем-то не стоило, но разве скажешь ребятам, как это здорово — почувствовать себя вдруг летящим по воздуху! Хоть на секунду, хоть на полсекунды!

Разумеется, можно прыгать так, как учат по радио: «А теперь прыжки на месте». Тогда и коленка не заболит и мама не станет ругать за порванную рубаху. Но какая радость прыгать на месте? Скука одна! И никакого впечатления! Нужно, чтобы дух захватывало и чтобы сердце стучало молоточком. Тогда другое дело. Тогда ни коленки, ни рубахи не жалко.

Валерка часто ходил за квартал в один двор, где, словно сказочная избушка, стояла голубятня на одной ноге. Приходил туда он просто так, посмотреть. Стоял посреди двора, заслонившись ладонью от солнца, и постепенно забывал обо всем на свете, кроме этих счастливых птиц. И тогда, заложив четыре пальца в рот, он свистел, потому что надо же было как-то выразить свои чувства.

О его увлечении футболом и любви к голубям знали многие. Потом чуть ли не всему двору стала известна его новая страсть — корабли. Дома на подоконниках и столах выстроились теперь авианосцы, эсминцы, подводные лодки. Валерка их делал сам и тратил на это уйму времени. Корабли всех типов строились и испытывались в квартире Быковских. Было задумано даже принципиально новое судно — торпедный катер с реактивным двигателем. Топливом должна была служить кинопленка. Испытания прошли плохо. Реактивный двигатель взорвался под самым носом у конструктора и сильно опалил руку. Несколько дней он ходил перевязанный. Во дворе говорили, что Валерку постигла творческая неудача.

Но об одном увлечении Валерки знали немногие — папа, мама, сестра Рита и кассиры, продававшие билеты в Третьяковскую галерею. Он приходил на свидание с любимыми художниками задумчивый, не по-мальчишески нерешительный, с блестящими от воды волосами, только что приглаженными возле уличного крана. Молча ходил из зала в зал, долго стоял у знакомых полотен.

Уходил он всегда потрясенный новыми чувствами, долго бродил по Москве. Когда появлялся дома, никто не спрашивал, где он был: и так ясно. Валерий подсаживался к отцу на диван и расспрашивал о революции, о «железном Феликсе», с которым Федору Федотовичу довелось не раз встречаться, о первых годах Советской России...

В школе дела у Валерки шли по-разному. Бывали взлеты, но случались и «творческие неудачи». Однажды появился в школьном коридоре человек, после разговора с которым творческих неудач стало больше. Человек был одет в романтическую, потертую кожанку с молнией. Он подошел к ребятам и представился:

— Я Ерофеев, летчик-инструктор аэроклуба. Хотите научиться летать? Только продумайте сначала все и взвесьте.

Кому-кому, а Валерию продумывать и взвешивать было нечего. Так попал он в аэроклуб.

Прийти в аэроклуб — это вовсе не значит сразу сесть в самолет и полететь. Это не так просто. Обычно говорят, что аэроклуб воспитывает у ребят волю и мужество. Может быть. Зато терпение воспитывает наверняка. Близок локоть, да не укусишь.

Летом Валерий часто забирался на крышу своего дома. Садился у чердачного окна и смотрел в небо. Потом вниз. В колодце двора ребята все так же гоняли мяч, отражая атаки дворников. Голуби пролетали совсем рядом. А вокруг крыши, крыши... Между ними серые, изломанные ручьи улочек с кузнечиками-автомобилями.

Федор Федотович и Клавдия Ивановна — отец и мать Валерия,— оставаясь вдвоем, частенько говорили о сыне. Кем он станет?

И Клавдия Ивановна вздыхала. Ей, как и всякой другой матери, не хотелось отпускать сына от себя в трудную жизнь. Однако сходились на том, что увлечение авиацией временное. Был же раньше и футбол и кораблестроение. Повзрослеет — одумается.

Но временное увлечение даром не прошло. После вручения аттестатов зрелости к Валерию подошел комсорг и, увидев в аттестате тройку, скептически усмехнулся и сказал фразу, которая, быть может, и решила окончательно судьбу Быковского:

— Э-эх ты... Рожденный ползать летать не может...

Валерий отшутился, но внутри у него клокотало. Как ни крути, а прав в чем-то комсорг. Забраться на крышу можно и с тройкой в аттестате. Но разве это высота? Птицы и те летают выше. Для человека это низко. И смотреть с крыши на улицы — тоже ерунда. Человеку нужна в жизни другая высота. В одном комсорг ошибся: в аэроклубе летать его научили. Но нужно еще многое знать, чтобы покорилась эта новая высота...

...вторая

Открылась дверь. В комнату шагнул Валерий. Молча подошел к окну. Покружил по комнате. Странный был у него вид в тот вечер. Такого раньше не было. Значит, произошло нечто серьезное. Федор Федотович сразу по-

Ташкент. На площади у здания Узбекского государственного театра оперы и балета имени Алишера Навои выступает женский танцевальный ансамбль «Бахор».

Фото Г. Зельма.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов вручает грамоту ЦК ВЛКСМ Валерию Быковскому.
Фото ТАСС.

Летчик Н-ского авиаполка Валерий Быковский. Пока летчик...

нял это, но продолжал спокойно читать «Вечерку». Клавдия Ивановна, скрывая волнение, взялась поливать цветы. Она тоже все понимала. Ей ли не знать Валерку!

— Мама... Я... Ну, в общем... Надо собирать вещички,— покраснев и глядя в пол, проговорил Валерий.— Поеду в авиационное училище. Выдержу экзамены — стану летчиком...

Зашуршала отложенная в сторону газета. Федор Федотович усмехнулся то ли лукаво, то ли скептически — Валерий не понял.

— Значит, в летчики?

— Угу.

— Ну что ж, не зря, значит, мы тебе дали летное имя. Чкалов тоже был Валерий.

Парень покраснел еще больше. Смеется отец или серьезно? Чкалов — это ж... Ну, нашел с кем сравнивать! Чкалов и Быковский — не звучит. Валерий взглянул на себя в зеркало и тоже невольно улыбнулся. Прямо как из бани: на лбу капельки пота, непослушные вихры во все стороны, длинные руки... Тоже мне выискался Чкалов! Смешно!..

И все-таки через несколько дней был вокзал, и поезд, отправляющийся в путь-дорогу, и слезинки в маминых глазах, а вскоре первый экзамен в Качинское авиационное училище.

Друзей у Валерия было много. С ним просто трудно было не подружить. Веселый, озорной, порой задиристый парень, он везде успевал. Казалось, что природа, нарушив все свои законы, вложила ему в грудь перпетуум-мобиле. По побудке он вскакивал первым, и если кто-то не услышал сигнала, то сон как рукой снимал Валеркин голос:

— Покорители высот! Марш учиться летать! Самолета пока не дают. Начнем с физзарядки. Поучимся летать у голубей, помашем лапками!

Так прошло несколько недель. И вдруг Валерия словно подменили. Никто больше не слышал от него шуток. По вечерам грустный ходил он по плацу или стоял у окна. Однажды вот так же у окна застал его приятель.

— Что хмуришься? Случилось что-нибудь?

Братья-космонавты.

— Посади голубя в клетку — и он разучится летать.

— Подумаешь, какой ас нашелся.

— Да я все понимаю.— Валерий спрыгнул с подоконника.— И все-таки надоело. Вот что, давай проситься на самолет.

Утром Валерий подошел к командиру эскадрильи Герою Советского Союза Сергею Бицаеву.

— Разрешите обратиться?

А тот вместо ответа сказал:

— Я слышал, что вашим товарищам страсть как хочется сесть в самолет. Так вот запомните: авиация не любит нетерпеливых и слишком горячих. Она часто мстит таким... Да, о чем вы хотели спросить?

— Так... Разрешите идти?

— Идите.

И опять Валерий ходил хмурый. Перед отбоем рассказал о разговоре с комэском и добавил, что не знает, кто прав... На решение этой проблемы ушло еще несколько дней. Потом однажды вечером Валерий предложил:

— Вот что, хлопцы, пойдемтека в библиотеку. Там есть брошюра о Покрышкине. Ведь он учился в нашем, Качинском. Почитаем о жизни настоящего летчика. А с полетами пока того... подождем.

Ждать пришлось недолго. После первых полетов Валерка вновь стал прежним, шуткам не было конца, а однажды с занятий он вошел в казарму на руках. От избытка чувств.

Полеты становились все продолжительнее. Порой в день бывало по нескольку вылетов.

Валерка опять начал тускнеть. Хорошо, когда горит в человеке огонек беспокойства и увлечения каким-то делом. А у Валерия характер, как тот реактивный двигатель, что взорвался в руках. Много огня, но пользы никакой. В жизни надо взять правильный темп, как в беге. Валерка вздумал бежать длинную дистанцию в спринтерском темпе и выдохся.

Однажды перед учебным вылетом командир эскадрильи подошел к его самолету, оперся локтем о крыло и сказал:

— Я же говорил, что авиация любит смелых и терпеливых. Ну и, конечно, хладнокровных, хотя это вовсе не значит — равнодушных. Понятно?

— Понятно...

Окончено училище. И вот Быковский в подмосковном городке. Полеты, полеты, полеты... Еще в училище Валерий решил выработать у себя особый, покрышкинский летный почерк. Говорят, что по почерку можно определить характер человека. По летному почерку сделать это даже легче, чем по обычному. Менялся характер бесшабашного, озорного московского парнишки Валерки Быковского, становился четким, стремительным.

Теперь Валерий часто видел Москву с той высоты, о которой мечтал когда-то, сидя на крыше своего дома. Так вот она какая! Громадная, прекрасная, трудолюбивая. Он угадывал знакомые площади и улицы. Он любовался своей столицей и нет-нет да и поглядывал вверх, туда, где солнце слепило глаза или лукаво подмигивали звезды. И манила к себе эта голубая бесконечность, загадочная и немая. «Нет, нам это не суждено. Рано. Это сделает кто-то после нас»,— думал Валерий, но уже жила в мечте новая, сказочная высота, по счету...

...третья

Предложение пойти в космонавты свалилось как снег на голову. В первую минуту Валерий растерялся и смущенно пробормотал:

— С-согласен. — Потом пришел в себя и скороговоркой выпалил: — Конечно! Конечно же, согласен! Интересно, а кто бы не согласился?!

Согласиться — дело нехитрое. А вот пробиться через целую армию медиков куда труднее. К тому же в конкурентах недостатка не было.

Они сидели в коридоре перед белой дверью медицинского верховного суда и ожидали своей участи. Молчали и думали об одном и том же. Валерий не выдержал и, подсев к чернобровому крепышу, который казался мрачнее других, сказал:

— Ну, чего мы молчим? На миру и смерть красна. Правда? Давайте знакомиться.— Он ткнул себя пальцем в голую грудь, церемонно поклонился и представился: — Быковский, Валерий.

— Николаев, Андриян,— ответил чернобровый крепыш и протянул руку.

Так началось это знакомство, которое превратилось потом в большую дружбу. Казалось, трудно найти столь разных по характеру людей: беспокойный, подвижный Валерий и сдержанный, немногословный Андриян. Он полюбил друга за веселый нрав, добродушный, но волевой характер. А Валерия тянуло к вдумчивому Андрияну, который двумя словами мог сказать больше, чем иной длинной речью. Они как бы дополняли друг друга, и вскоре уже трудно было представить их врозь.

...Закончен теоретический курс ввода в космонавтику. Теперь практические занятия на различных тренажерах. Первый день в тренировочном зале. Центрифуга. Для ученых она действительно центрифуга, а для космонавтов — чертова мельница.

Ребята стояли около гигантской ложки, которая через минуту станет пропеллером.

— Кто первый? — спросил инструктор.

Космонавты переглянулись.

— Я! — Вперед шагнул Быковский.

Космонавты сгрудились вокруг него. Хлопали по плечу, давали шутливые напутствия, советы. Андриян ограничился своим универсальным афоризмом:

— Прежде всего спокойствие.

Сухо щелкнула кнопка, и массивная ложка пошла по кругу. Один оборот. Другой. Еще, еще...

...Сурдокамера. Кресло, пульт, иллюминаторы. Почти как в кабине космического корабля. И тишина такая же, какая будет в космосе. Тут надо просидеть несколько дней. Испытание одиночеством. Валерий переступил высокий порог, подмигнул провожавшим:

— Что ж, отдохнем от мирских забот!

Дверь захлопнулась, и он остался один. Космонавты часто приходили к сурдокамере посмотреть на товарища. В минуты отдыха Валерий рассказывал веселые истории. Он был верен себе и в одиночестве.

Когда спустя несколько дней бесшумно отворился стальной пласт двери, друзья уже были тут как тут. В проеме появилась сияющая физиономия с пиратской бородкой.

— Ох, и шумно на этом свете, братцы! — счастливо орал он во весь голос.— Где тут ближайшая космопарикмахерская?

Такой уж у него неуемный характер. Когда Валерия на комсомольском собрании выдвинули в комитет, он дал самоотвод. Причина: «Резковат бываю». Его все же избрали, и стал он заместителем секретаря. А секретарем — Герман.

Почти везде, где надо было сделать первый шаг, его делал один из семьи космонавтов — комсомолец Валерий. Он не старался быть первым, просто так получалось. Даже когда в «Звездном городе» проходил чемпионат по бильярду, лучше всех умел «сыграть шара» опять он, Валерий. Только полететь первому в космос ему не привелось.

В то памятное, ясное и свежее утро 12 апреля шестьдесят первого года Валерий провожал товарища в первый рейс к звездам. Он стоял на бетонных плитах космодрома рядом с Андрияном. Когда Космонавт-Один поднялся на вершину ракеты и скрестил руки над головой, как бы говоря «до свиданья», Валерий шепнул Андрияну:

— Ты осознаешь, что это значит? Это же...

— Спокойнее, Валера,— перебил Андриян, который, конечно же, волновался не меньше.— Юра первый. А сколько еще впереди работы!

Через несколько дней у подножия Мавзолея он слушал разносящиеся над людским морем слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что все новые и новые корабли понесутся в космос и что космический корабль «Восток» проложил тот тракт к звездам, по которому пойдут новые космонавты. Валерий слушал и как-то особенно остро, почти физически почувствовал, какую громадную высоту доверили ему народ и партия, какую радость и какую ответственность.

Вскоре Валерий побывал дома. «Вернулся после длительной командировки» — так было объявлено. Вместе с ним вошел в квартиру Быковских черноволосый, коренастый человек со звездочками старшего лейтенанта на погонах.

— Мама! Папа! Рита! Знакомьтесь: Андриян Николаев, мой друг. Великий молчальник!

Клавдия Ивановна собирала на стол, а сама смотрела на сына.

— Валера! Похудел ты что-то. Может, с питанием там у вас неважно?

— Что ты, мама! Это мы с Андрияном на танцплощадке в клубе вес сбрасываем.

И опять уехал. Опять в длительную...

Проводил в космос Германа Титова. Занятия становились все сложнее. Новые полеты потребуют еще больше сил. Врачи, наверное, уже в сотый раз проверяли каждый мускул и каждый кровеносный сосуд. Однажды в медицинском городке, ожидая очереди и балагуря с ребятами, Валерий увидел ясноглазую, небольшого роста девушку. Хотел что-то сказать и вдруг понял, что сказать-то он ничего не может. Попытался улыбнуться. Девушка прошла мимо, кольнув его строгим взглядом. Ресницы у нее были такие пушистые, что Валерий подумал: «Интересно, а не тяжело ей поднимать их?»

Девушку звали Валей. Валя Сухова, она тоже москвичка, медсестра. Вскоре она сменила фамилию: стала Валей Быковской.

...Август шестьдесят второго. Снова космодром. Могучая ракета застыла на старте. Андриян по традиции чокается своим гермошлемом с гермошлемом Валерия. Валерий—дублер, он готов был в любую минуту, если бы потребовалось, заменить Николаева в кабине «Восток-3». Друзья крепко обнялись.

...На следующий день почтальон принес Быковским газеты. Клавдия Ивановна охнула. С первой страницы ей улыбался Андриян. Показала газету мужу, включила радио. Теперь они поняли все. И «длительные командировки» сына тоже.

А сын всю ночь не спал. Не спал и эту и следующую ночь. Врач Евгений Анатольевич, которому тоже было не до сна, увидел его на крылечке.

— Не могу отсюда уйти,— виновато признался Космонавт-Пять.— Никогда бы не поверил, что можно так волноваться.

На следующий день он вихрем влетел в комнату, где облепленный датчиками приборов сидел Павел Попович.

— Братцы! Андрюша сейчас над нами пролетает!

И все выскочили из домика. Даже Попович, накинув на плечи халат, выбежал из комнаты и тоже уставился в плотное, как эмаль, степное небо.

Потом было еще одно крупное событие. «Звездный город» был взбудоражен. Валерий отвез Валю в родильный дом. Космонавты сидели в квартире будущего отца и ждали телефонного звонка.

— Космонавты — народ заколдованный,— шутил кто-то.— У них одни дочки.

Попович подначивал:

— Родится, друже, синеокая, гарная дивчина. Окрестим ее Галактикой.

По телефону без конца звонили знакомые. Позвонил и Главный Конструктор.

— Нет... Неизвестно... Ждем.

И вдруг громкое «ура» рванулось в ночное небо. Сын! Попович, глядя на мерцающие за окном звезды, с напускной серьезностью объяснял Валерию:

— Вон той слева от донышка ковша Медведицы час назад не было. Стало быть, это твоего сына звезда, Валерий. Назовешь-то его как?

Предложения были самые разные:

— Восток!

— Галактион! От Галактики.

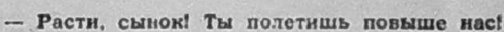
— Ваня!

— Нет, ребята, пусть будет он Валерием Валериевичем Быковским.

— Правильно! — заметил кто-то.— Наверняка станет он потомственным космонавтом. И имя для этого у него будет вполне подходящее. Полетит он повыше нас.

• • •

Он летит над планетой и смотрит в иллюминатор. Где-то далеко-далеко внизу Земля. Труден путь человека в эту даль. Это его третья высота. А сколько их еще впереди!..

— Расти, сынок! Ты полетишь повыше нас!

Появился новый термин: космовидение — телевизионная передача из космоса. Такой увидели Валю Терешкову миллионы телезрителей.

КОСМИЧЕСК

Николай ДЕНИСОВ

Советские люди уже многое знают о новых героях космоса — Валентине Терешковой и Валерии Быковском, знают об их замечательном совместном полете. Ниже публикуются написанные для «Огонька» странички из дневника специального корреспондента «Правды» Н. Денисова, провожавшего на космодроме в полет Валентину Терешкову и Валерия Быковского.

I

Через несколько часов после прилета на космодром нас, группу московских журналистов, пригласили на заседание Государственной комиссии, которой Центральный Комитет партии, Советское правительство поручили руководить новым совместным полетом космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6».

В просторном помещении, украшенном большим портретом В. И. Ленина, недалеко от стартовой площадки, собрались ученые, конструкторы, космонавты, медики, специалисты различных профилей. Прямо против нас сидят космонавты. Среди них всегда подвижный, веселый, но в эти минуты как-то очень посерьезневший Космонавт-Пять, которого мы хорошо знаем по стартам «Восток-3» и «Восток-4» как дублера Андрияна Николаева. А рядом — девушка. Это Космонавт-Шесть. Она сидит ближе к столу председательствующего, русоголовая, синеокая Валя Терешкова, бывшая ткачиха, комсомольский вожак комбината «Красный Перекоп». Через несколько дней о ней, о первой в мире женщине-космонавте, узнает весь мир...

Тут же наши космические богатыри — Юрий Гагарин, Герман Титов и Андриян Николаев. Четвертого — Павла Поповича — здесь нет. «Звездные братья» улыбкой, жестом, шуткой, сказанной вполголоса, как бы сдерживают волнение своих друзей и в первую очередь своей «сестры» Вали Терешковой.

...Докладывает член Государственной комиссии. Говорит спокойно, уверенно, четко — все продумано, все взвешено. Космонавты полностью прошли тренировку. Характеризуя степень подготовленности и высокие моральные качества вызванных на заседание космонавтов, он представляет собравшимся каждого из них. И даже за те полминуты — не больше,— пока названный, встав с места, находился под пристальными и доброжелательными взглядами членов Государственной комиссии, можно было угадать характер, как бы услышать биение сердца того, кому окажут доверие...

И вот торжественно звучат заключительные слова доклада:

— Командиром космического корабля «Восток-5» предлагаю назначить летчика-космонавта Быковского Валерия Федоровича.

Загорелое лицо Валерия чуточку бледнеет. То, к чему он так долго и упорно готовил себя — полет в космос,— теперь совсем близко к осуществлению. Два года назад он провожал на трассы Вселенной Юрия Гагарина, затем Германа Титова. В августе 1962 года Государственная комиссия поручила ему быть дублером командира «Востока-3» — Андрияна Николаева. Уже тогда он был и физически и душевно готов ринуться в космос. Помнится, мы, журналисты, проводив Николаева в кабину «Востока-3», заглянули в голубой автобус, еще стоявший возле ракеты. Там в скафандре и гермошлеме сидел Валерий Быковский, стараясь скрыть свое волнение. Вместе с ним мы любовались взлетом Павла Поповича на «Востоке-4».

— Кто же пойдет в следующий раз? Ты? — обняв Валерия, спросил я.

— Родина прикажет — пойду,— принятой у космонавтов фразой ответил тогда Валерий.

И вот Родина сегодня приказывает: командиром корабля «Восток-5» быть Валерию Быковскому...

— Командиром космического корабля «Восток-6»,— продолжает докладчик,— предлагается Терешкова Валентина Владимировна...

Буря аплодисментов прокатилась по залу. Академики, виднейшие советские ученые, специалисты различных областей знаний, друзья-космонавты и, конечно, мы, журналисты, горячо аплодировали скромно вставшей рядом с Валерием Быковским элегантно одетой девушке.

Мне приходилось несколько раз бывать на заседаниях Государственной комиссии. Строго и деловито проходят они. Но сегодня здесь царит атмосфера какой-то особой приподнятости. Она во всех выступлениях. Маститый

Москва. Товарищ Н. С. Хрущев разговаривает с летчиком-космонавтом В. Ф. Быковским, совершающим полет в космосе на корабле «Восток-5». Вместе с Н. С. Хрущевым у телефонного аппарата Л. И. Брежнев.

АЯ НЕДЕЛЯ

...А на этом экране — летчик-космонавт, командир космического корабля «Восток-5» Валерий Быковский.

Из журналистского дневника

Фото С. Баранова, Веры Жихаренко, С. Коршунова, Т. Мельника, В. Соболева.

ученый, поздравляя Валерия Быковского и Валентину Терешкову, проникновенно говорит о великой роли женщины в советском обществе и тут же вспоминает работы знаменитого русского математика Софьи Ковалевской, которая в годы царизма была вынуждена уехать из родной страны, чтобы продолжать свои научные исследования.

Взволнованно отвечают Валерий Быковский, Валя Терешкова, благодарят партию и народ за доверие. Сердечно говорит Главный Конструктор:

— Наша страна стала берегом Вселенной. Мы верим: от этого светлого берега будут уходить в звездный океан все новые и новые космические корабли.

...Поздно вечером возле дома, расположенного на краю космодрома (так в этих местах называют выросший за несколько лет благоустроенный городок, в котором живут люди, прокладывающие новые дороги в космос), можно было видеть Валю Терешкову и Валерия Быковского со своим дублером, долго прогуливающихся по садику. Неумолимо строгие врачи, зорко следящие за точным выполнением распорядка дня, в этот вечер, видимо, понимая душевное состояние космонавтов, позволили им чуточку отступить от правил, погулять в саду подольше, до тех пор, пока сами не вспомнят: пора идти спать — завтра последние предполетные занятия.

II

Каждый предстартовый день у Валерия Быковского и Вали Терешковой был строго регламентирован. Когда утреннее, еще не очень жаркое солнце бросало первые лучи на дорожки садика, посаженного самими космонавтами, они выбегали на физзарядку. Потом — завтрак и работа до обеда и после обеда. И только вечером выдавалось немного свободного времени, чтобы поиграть в волейбол, почитать книгу, посмотреть кинофильм, прогуляться, поговорить с товарищами или просто помечтать под луной, взошедшей над степными просторами...

За два дня до взлета «Востока-5», вот в такой вечерний час, мы сидели в беседке с Валерием. Сегодня он несколько часов провел над бортовым журналом, заранее внося на его страницы расписание тех многих работ, которые нужно будет провести в космосе. Мы говорим о научных, технических задачах полета, о целях нового космического полета. Потом разговор переключается на Москву. Валерий вспоминает дом, семью, родителей. К ним он питает не только горячую сыновнюю любовь, но и чувства искренней благодарности за то, что они воспитали в нем именно те качества, которые помогли ему стать космонавтом.

— Настойчивость, — говорит он,— вот, пожалуй, одна из тех черт характера отца, которая для меня особенно важна.

Я спросил у Валерия Быковского: «Каким было твое последнее комсомольское поручение?» Он ответил: «Беседа с молодежью нашего «звездного городка» об успехах советского народа в освоении космоса...»

Вот так и бывает в нашей советской действительности: вчера — беседа о космосе, а завтра — полет в космос.

Даже в темноте видно, как вспыхивают в глазах Валерия теплые огоньки, когда он вспоминает своего сынишку Валерия.

— Сколько ему сейчас?

— Четвертый месяц, совсем большой мужик.

— А на кого больше похож?

— Говорят, на меня! Посмотрите сами.— И Валерий достает заложенную меж книжных страниц фотографию.— И глаза мои, и нос, и волосенки. Мама говорит: точно таким же и я был, когда ходил под стол пешком. Обязательно возьму эту фотографию на корабль...

Валерий замолкает, поднимает голову к небу, к звездам и тихо продолжает:

— Вырастет мой Валерка и сам слетает... И, наверное, куда дальше, чем я...

Трудно даже представить себе сейчас, сидя вот так неподалеку от космодрома, что будет происходить здесь, на берегу Вселенной, и на многочисленных звездных дорогах, когда Валерий Быковский-младший станет, как и его отец, комсомольцем-космонавтом. Если только за два года, прошедших с памятной всему человечеству среды 12 апреля 1961 года, когда полет Юрия Гагарина зажег зарю космической эры, протяженность звездных трасс, проложенных советскими космонавтами, возросла куда более чем в сто раз, то какими же цифрами она будет исчисляться через 20—25 лет? Каким по счету космонавтом будет Быковский-младший?

— И еще,— мечтательно говорит Валерий,— ребята хотят дать мне в корабль горстку ягод — дары Земли, с того самого куста, который я посадил когда-то здесь...

Их много в этом садике, кустов смородины с красными ягодами первого урожая. Космонавты высадили их еще в шестьдесят первом году, когда в космос полетел Юрий Гагарин. Мы пробовали эту смородину со многих кустов — Титова, Николаева, Поповича, Быковского и других «небесных братьев», имена которых пока еще не известны миру. Ягоды вкусные, налитые солнцем, овеянные горячими степными ветрами. Там, в космосе, на каком-либо из витков они напомнят Валерию о друзьях, о родной земле, ждущей его возвращения.

...За деревьями слышится смех. Из чьего-то портативного радиоприемника несутся звуки вальса. Все очень похоже на вечерние посиделки где-нибудь в русском селе.

— Давайте потанцуем,— предлагает Валя Терешкова.

Она подходит к нам вместе с Юрием Гагариным. Они все время вместе. В этом есть что-то примечательное, доброе, товарищеское. Целыми днями Гагарин, первым из всех людей Земли вышедший в космос, вместе с той, которая первой из всех женщин Земли поведет космический корабль. Тут и учеба, и наставление командира, и деловой совет, и дружеское участие...

...Днем я увидел Валю и Валерия в комнате спортивного комиссара. Увидел и залюбовался Валей. Она пришла сюда прямо от мастера-парикмахера, которая красиво уложила ее светлые волнистые волосы.

Было даже как-то странно, заглянув в одну из комнат гостиницы космонавтов, вдруг увидеть Валю Терешкову сидящей возле большого трюмо. Рядом с ней — мастер-парикмахер в белом халате, и обе они деловито обсуждают сложный вопрос, что делать с этим непослушным завитком и не лучше ли было бы чуточку подрезать этот вот локон, а этот, наоборот, чуточку приотпустить... Словом, здесь в эти минуты шел самый обычный женский, скорее, косметический разговор, весьма далекий от каких бы то ни было проблем современной космонавтики. И вместе с тем он был очень близок к ним. Надо полагать, что прическа, идущая к лицу, теперь прочно войдет в перечень всего того, что требуется женщине перед полетом в космос...

Час назад все мы смотрели кинофильм, рассказывающий о девушке, которая в грозную пору Отечественной войны 1812 года добровольцем пошла воевать и за свою боевую отвагу заслужила награду от самого Кутузова.

Полтораста лет прошло с тех пор, и вот в России появилась не кавалерист, а «космонавт-девица», которой будут посвящены песни, повести, спектакли, кинокартины...

— Га-га-рин! Ти-тов! Ни-ко-лаев! По-по-вич! — доносятся до нас голоса многих мальчишек, сгрудившихся возле ворот. Каждый вечер они собираются здесь, громко скандируя имена полюбившихся всему народу космонавтов. И каждый вечер к ним выходит кто-либо из них побеседовать, дать автограф. Андриян Николаев в тот вечер провел там, среди ребят, добрых полтора часа, надписывая фотокарточки, открытки или просто ставя свое имя на листках, вырванных из школьных тетрадок.

Забегая вперед, скажу, что после стартов «Востока-5» и «Востока-6» возле гостиницы космонавтов вновь и вновь, по установившейся уже традиции, по-прежнему собирались ребята. Только теперь к скандируемым ими именам добавились новые:

— Ва-ле-рий Бы-ков-ский!

— Ва-ля Те-ре-шко-ва!

— Ва-ле-рий! Ва-ля! Ва-ле-рий! Ва-ля!

III

Главный Конструктор пригласил нас на стартовую площадку. Мы застали его, окруженного специа-

Ю. Гагарин и В. Терешкова в классе космонавтов.

А. Николаев и В. Быковский незадолго до полета «Востока-5».

листами, возле самой ракеты. Он был одет по-дачному: светлая просторная рубашка, светлые брюки, легкая летняя шляпа.

На стартовой площадке все делается ритмично, строго по графику. К Главному Конструктору то и дело подходят с краткими докладами его заместители, ведущие инженеры. Специалисты, работающие на ракете, снабжены шлемофонами, ларингофонами, и все распоряжения с командного пункта они получают по своего рода селекторной связи.

У входа на командный пункт доска с написанными на ней мелом группами цифр. Это метеорологическая сводка, обновляемая каждый час: направление и скорость ветра, температура и влажность воздуха, барометрическое давление. Оказывается, при работе с космической техникой нужно учитывать и эти компоненты погоды. Сегодня жарко. Бетонные плиты площадки накалены так, что кажется, на них можно жарить яичницу. Площадка чисто выметена, нигде не увидишь и соринки.

В предельно загруженном рабочем дне Главного Конструктора образовалось небольшое окно, и он посвятил его обстоятельной беседе с нами, журналистами. Каждый раз, когда разговариваешь с этим очень требовательным и вместе с тем исключительно душевным человеком, обогащаешься интересными идеями, расширяешь свой кругозор. Так было и сегодня.

Главный Конструктор ответил на наши вопросы. Разговор шел и о будущем нашей космонавтики. Главный Конструктор очень образно сравнивал космоплавание с мореплаванием и развернул перед нами увлекательную картину дальнейшего освоения звездного океана. Он поделился мыслями о том, как человек, овладев ближним космосом, будет все дальше и дальше углубляться в межпланетное пространство.

— Те полеты человека в космос, которые уже проведены в нашей стране, и те, свидетелями которых мы будем в самое ближайшее время,— говорил Главный Конструктор,— это преддверие к почтовым, пассажирским и грузовым перевозкам в космосе со скоростью до 30 тысяч километров в час.

Главный Конструктор напомнил:

— Когда появились первые реактивные самолеты, многие и не предполагали, что пройдет всего несколько лет, и реактивная авиация прочно войдет в повседневный быт нашего Гражданского воздушного флота. Гораздо раньше, чем вы это предполагаете, рядом с космонавтом, в составе экипажа космического корабля, полетит и кто-либо из вас, журналистов.. Для этого, пожалуй, к тому недалекому времени потребуется только одно — нормальное здоровье...

Заманчивые перспективы! Если теперь на таком воздушном лайнере, как «ТУ-114», для беспосадочного перелета из Москвы, скажем, в западное полушарие затрачивается 14—15 часов, то при использовании трасс ближнего космоса такое путешествие займет менее получаса.

Освоение ближнего космоса позволит человеку с помощью службы солнца не только объективно и уверенно прогнозировать погоду, но и принудительно формировать ее в тех или иных районах земного шара. Орбитальные полеты человека помогут нашей науке в дальнейшем изучении Земли, помогут создать космические базы для межпланетных полетов... И еще одну интересную мысль, подкрепленную выводами из научных наблюдений, высказал Главный Конструктор: использовать испытываемое в космосе состояние невесомости в лечебных целях, особенно при заболеваниях сердечно-сосудистой системы.

— Тогда космический санаторий с нормальной путевкой на 24—25 суток,— улыбаясь сказал он,— пожалуй, будет пользоваться у сердечников куда большей популярностью, чем кисловодское «Красное солнышко» или курорты Швейцарских Альп...

Главный Конструктор говорил увлеченно, с тем творческим вдохновением, которое всегда живет в душе крупного ученого, счастливо сочетающего смелое теоретическое мышление с рациона-

ПЕРЕД ПОЛЕТОМ В КОСМОС

Фоторепортаж специального корреспондента ТАСС А. Романова.

Валя Терешкова с новыми друзьями — детьми рабочих космодрома.

●

Перед свиданием с космосом. К Вале Терешковой в гостиницу космонавтов пришел парикмахер.

●

Трудный мяч.

Космические «брат и сестра» на медицинском осмотре.

лизаторским огоньком исследователя, практика. И мы, наверное, беседовали бы с ним в тот день еще дольше, если бы очередные дела не позвали его на командный пункт стартовой площадки.

...А космонавты тем временем завершали свой свободный день вдали от космодрома — на рыбалке. Когда стали варить уху, каждому была определена своя роль: Юрий Гагарин заведовал топливной частью и хлопотал возле костра; Валя Терешкова чистила картошку; Валерий Быковский исполнял обязанности шеф-повара, а Андриян Николаев осуществлял общее руководство рыболовами... Словом, никто не сидел без дела, и говорят, что уха получилась отменная. Вернувшись со стартовой площадки, мы долго ожидали своих друзей-космонавтов, собираясь поужинать вместе. Но не тут-то было: рыболовецкая компания появилась уже затемно. Обитатели гостиницы встретили ее хором шутливых приветствий:

— Да-вай ры-бу! Да-вай ры-бу!

— Все съе-ли! Все съе-ли! — хором же отвечали они нам.

IV

Вылетай за наши параллели,
Юный брат космической родни,
Распахни к планетам шире двери,
Над Землею небо распахни! —

так начиналось стихотворение, написанное одним из специалистов и прочитанное возле ракеты в те волнующие минуты, когда Валерий Быковский приехал сюда на традиционную встречу со стартовой командой. Стихи на встрече с космонавтом, отправляющимся в полет, звучали тут впервые, и это придавало ей какую-то особую непринужденность.

Мы проводили Валерия в домик космонавтов, обсаженный серебристыми тополями, видели, как друзья, сняв с него фуражку, забросили ее далеко в кусты: теперь, мол, тебе она не потребуется, завтра наденешь гермошлем. Это тоже одна из неписаных, шутливых традиций космонавтов. Тут же, на скамейке возле домика, мы разговорились с Андрияном Николаевым. Он вспоминал, как меньше года назад вместе с Валерием провел ночь перед полетом «Востока-3».

— Я знаю Валерия с первого дня его зачисления в группу космонавтов. И мы с первого же дня крепко подружились. С тех пор всегда были вместе: и когда готовились к старту «Востока», на котором полетел Гагарин, и когда готовились к полету «Востока-2», на котором полетел Титов.

Потом вместе с Андрияном Николаевым Валерий снаряжался в полет на «Восток-3». Словом, он уже трижды был готов к тому, чтобы полететь в космос. Но каждый раз узнавал: черед его еще впереди!

Товарищи рассказывали нам, что когда он ехал в автобусе к стартовой площадке «Востока-3», то, глядя в затылок сидящего впереди Николаева и как бы заклиная его, приговаривал вполголоса:

— Полетишь ты... Полетишь ты... Полетишь ты...

Ему очень хотелось, чтобы ничто, никакая случайность не помешала стартовать его другу.

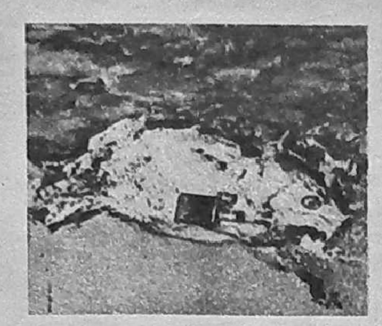
...В конце дня Юрий Гагарин позвал нас на журналистскую консультацию. Она происходила в комнате, где жила Валя Терешкова. На кровати был разложен большой лист ватмана с яркими, броскими рисунками. Это был очередной номер «Нептуна» — стенной газеты космонавтов, посвященный подготовке к старту «Востока-5». Под крупной шапкой «Даешь космос!» художник в шутливой манере изобразил ряд эпизодов предстартовой поры: четверо «небесных братьев» желают счастливой орбиты Валерию Быковскому; восседая на верблюдах, к ракете приближаются представители прессы, а Гагарин, спасая космонавтов от фотокорреспондентов, увел их на физзарядку...

* * *

Все, о чем рассказано в этих беглых заметках, принадлежит вчерашнему дню, принадлежит истории. Перевернуты еще несколько страниц в эпосе, который называется «Покорение космоса». Следующие будут еще прекраснее...

1100 ЛЕТ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

В Антарктиде, на поверхности шельфового ледника Мак-Мердо, было найдено 50 замороженных рыб. Длина самой крупной из них — 142 сантиметра. Предполагают, что рыбы обитали здесь 1 100 лет назад. Они сохранились замороженные в Антарктиде — в гигантском холодильнике нашей планеты.

С. ЕВТЕЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

Москва.

Питомцы старого парикмахера

В вестибюле Театра имени Руставели с давних пор в маленькой парикмахерской работает старейший парикмахер Тбилиси Георгий Григорьевич Джомарджидзе. Но не только своим умением и тонким вкусом знаменит Георгий Григорьевич. Все знают: собственных детей у него нет, а меж тем 12 человек в городе называют его отцом, а жену его Полину Соломоновну — матерью. Это дети, которые остались без родителей или просто испытывали нужду в приюте и в опеке бескорыстного человека.

Теперь многие из питомцев Джомарджидзе окончили учение, устроили свою жизнь.

И. МЕСХИ

Георгий Григорьевич Джомарджидзе.

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК ПОЛЬШИ

Павел СУДАКОВ,
лауреат Государственной премии

«Великие музыканты,— говорил Петр Ильич Чайковский,— творили для всего мира, но в каждом из их произведений отразилась национальность, их эпоха».

Чайковский именно так измерял талант художника. «Эти два последние качества,— говорил он,— резко отличают одно произведение от другого и составляют его стиль». И они в равной мере относятся ко всем художникам, будь то композитор, писатель, живописец. Насколько художник национален, насколько он проник своим творчеством в идеи своей эпохи, настолько он и велик!

Словами Чайковского целиком можно охарактеризовать творчество выдающегося польского художника Яна Матейки.

И. Е. Репин называл Матейку великим художником Польши. Преклоняясь перед могучим талантом Матейки, восхищаясь его монументальными полотнами, Репин мечтал написать портрет «этого несокрушимого поляка-энтузиаста».

Великие художники все творили на национальной основе. Будучи страстными патриотами, они выражали дух своей нации, думы и чаяния своего народа и своего времени. Это не только не мешало, а, напротив, способствовало их мировой славе.

Таким был и Ян Матейко — выдающийся художник-реалист XIX века. Во всем его творчестве явственно и зримо выступают те основные, характерные для великого художника черты, о которых говорил Чайковский и которые, между прочим, отмечали в творчестве Матейки В. В. Стасов и И. Е. Репин.

Матейко создавал свои картины на исторические сюжеты. В них, однако, жил дух не прошлого, а настоящего — общественно-политическая атмосфера и настроение эпохи. Художник обращался к тем событиям прошлого, которые волновали современников, помогали народу в его настоящем.

Матейко создал свой шедевр — картину «Грюнвальдская битва», где воспел героизм и мужество славян и прибалтов, объединившихся против тевтонских агрессоров. Эта картина звала свободолюбивые народы к единению, стойкости и мужеству в борьбе с чужеземными пришельцами.

Он восславил национального героя Польши — Тадеуша Костюшку и его повстанцев, рыцарей свободы. Картина вызывала самый горячий, самый восторженный отклик в сердцах соотечественников. Он создал вдохновенный образ гениального сына польского народа Коперника. И это было созвучно патриотическим чувствам и национальной гордости поляков.

Недаром В. В. Стасов, восхищавшийся «Люблинской унией» — «одной из совершеннейших картин нашего времени, полной истинного исторического смысла и духа»,— говорил о Матейке: «У него нет других сюжетов, кроме отечественных, оттого так сильно и правдиво все, что он пишет».

Матейко был великолепным мастером живописи и рисунка. Он умел, как немногие, строить сложные остродраматические композиции с большой массой людей. В его многофигурных картинах вовсе нет безликих статистов: каждый образ получает глубокую психологическую трактовку.

Нас поражает титанический труд художника — автора огромнейших полотен, где иногда действуют десятки людей, изображенных в полный рост, поражает историческая достоверность и художественная завершенность картин Матейки.

И во всех его произведениях виден не только большой талант, но и вдохновенный, самоотверженный подвиг жизни, горение сердца, без чего нет настоящего, большого искусства. Ведь большой талант требует большого трудолюбия!

«Великий художник Польши писал и писал свои картины,— говорил о Матейке Репин.— Он забывал даже есть...».

Матейко был последовательным реалистом. В его творчестве жили традиции великих мастеров эпохи Возрождения. И не символисты, не модернистские модники и кривляки, а именно Матейко своим творчеством глубоко и ярко отобразил свое время на жизненном материале родины, которую он так любил.

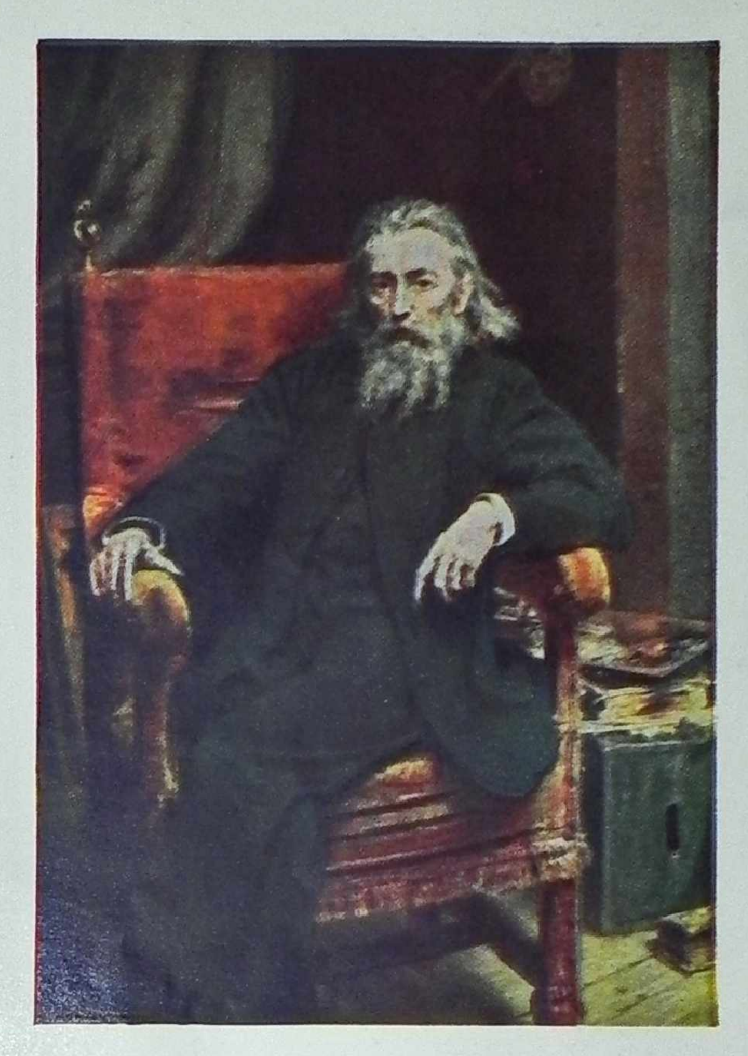
«Матейко — один из тех художников, которыми всего более должна гордиться современная Европа»,— писал В. В. Стасов. Однако еще при жизни Матейки в Европе начали бурно произрастать различные художественные школки, течения и направления, многие из которых носили откровенно антиреалистический характер. Дилетанты и недоучки рядились в яркие и пестрые оперения новаторов, и Матейку уже считали отсталым, условным.

Однако всякие «измы» недолговечны. Мода быстро проходит.

Остается лишь настоящее, подлинное искусство — глубоко национальное, полное идей своего времени. Создание могучего духа и большого таланта!.. Только оно входит на века в сокровищницу мировой культуры.

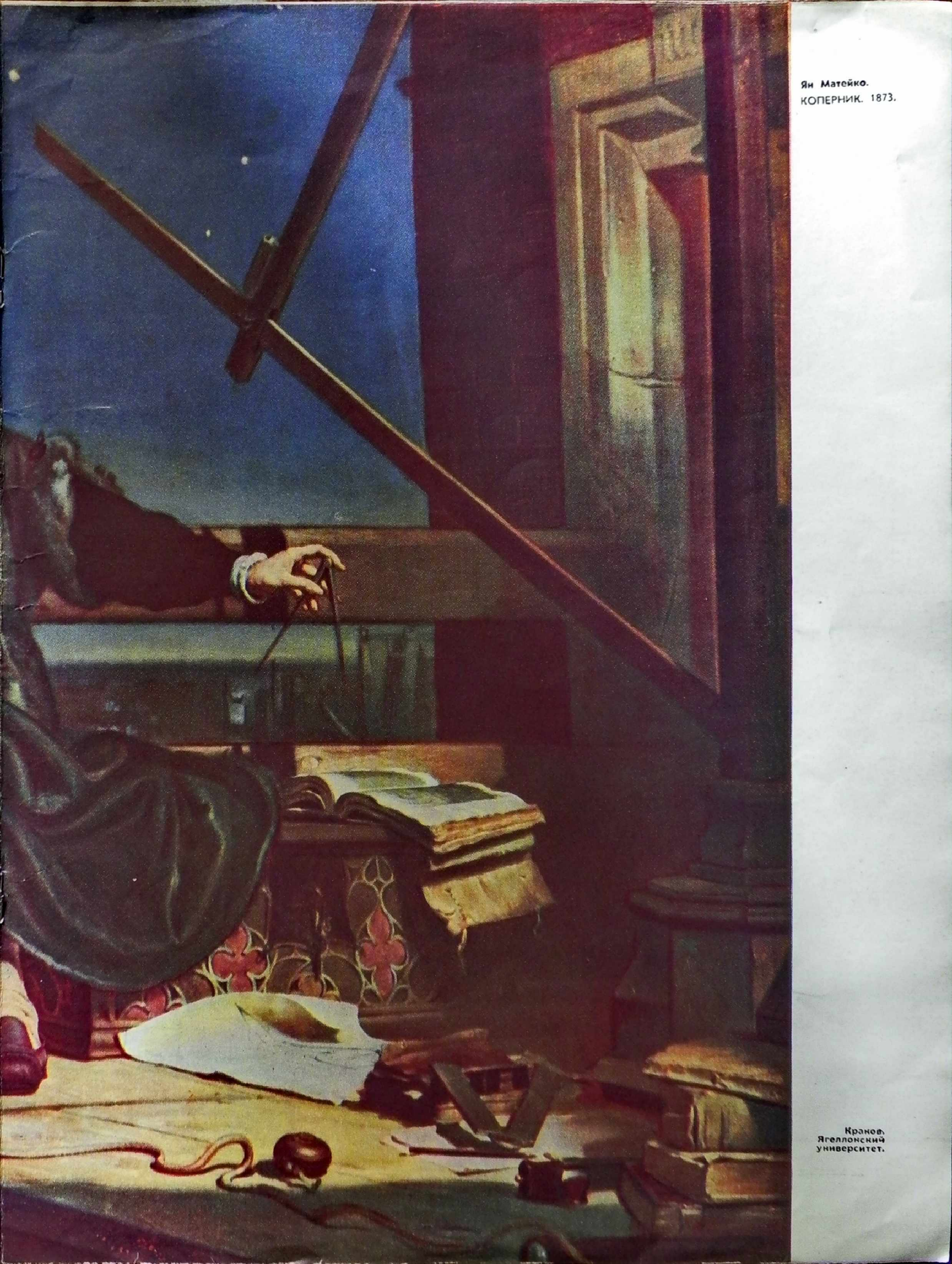
Такова могучая по духу и таланту живопись великого художника Польши Яна Матейки.

Ян Матейко. 1838—1893. АВТОПОРТРЕТ. 1892.
Варшава, Национальный Музей.

СТАНЬЧИК. 1861. (Эскиз).
Познань. Национальный Музей.

Ян Матейко.
КОПЕРНИК. 1873.

Краков,
Ягеллонский
университет.

Ян Матейко. ПРИГОВОР МАТЕЙКЕ. 1867. Варшава. Национальный Музей.

ИНФОРМАЦИЯ ИЛИ ПРОПАГАНДА?

Письмо в редакцию

Многоуважаемый товарищ редактор!

Я являюсь постоянным подписчиком журнала «Америка», издаваемого в США для советских читателей по соглашению о культурных связях между нашими странами. В журнале я нахожу немало интересных и ценных сведений из области экономической, научной, промышленной и сельскохозяйственной деятельности США. В этом отношении журнал, бесспорно, делает полезное дело, помогая нам лучше узнать жизнь американского народа.

Однако, как деятель искусства, я не могу не заметить прежде всего ту целеустремленность, с которой «Америка» пропагандирует из номера в номер свои эстетические взгляды на искусство и литературу. Правда, журнал ничего не утверждает, а скорее информирует, но в этой информации всегда ощущается определенная тенденция.

Когда пытаешься определить эстетические позиции журнала «Америка», то невольно приходит на память беседа двух кинорежиссеров — Григория Чухрая и француза Клода Шаброля. На вопрос Чухрая: «Как распознать героя?» — Шаброль ответил: «А я, мне кажется, вовсе не ищу героя... я пытаюсь разобрать «механизм», а это совсем другое». Для Шаброля, оказывается, весь интерес заключается в том, чтобы показать «механизм», заставляющий индивидуума, имеющего определенные моральные достоинства, совершать аморальные поступки.

Таков «механизм» и «Америки», ее статей по вопросам литературы и искусства.

Вот, например, журнал заводит как будто серьезный разговор о будущем музыкального искусства с известным композитором И. Стравинским. Пользуясь его пристрастием к «модерну», журнал оповещает, что в музыке «...эпоха гармонических открытий окончилась, что в гармонии нечего больше исследовать», что «крупное произведение скорее всего, пожалуй, удастся написать композитору, владеющему наиболее развитым музыкальным языком. Таким языком в настоящее время является серийный...». «И если говорить о новой музыке вообще, то, мне кажется,— говорит Стравинский,— она и будет серийной», то есть додекафонической.

Однако журнал тщательно скрывает от читателя, что двенадцатитоновая (додекафоническая) музыка в собственном смысле слова — это уже не музыка! Она начисто отказывается от мелодии, гармонии, лада как основ музыкальной архитектоники и погружается в трясину атонального хаоса. Эти «открытия» лишили музыку — или то, что от нее осталось,— силы эмоционального, радостного воздействия на сознание людей. Подобная «музыка» годится, как это отмечал выдающийся композитор Ганс Эйслер, лишь для выражения чувства животного ужаса людей, спрятавшихся в бомбоубежище во время бомбардировки. Не более...

Понятно, во всех этих ухищрениях модернистского искусства сказывается общий кризис капиталистической культуры. Что же касается возможностей нормальной, тональной музыки, то ее выразительные средства безбрежны, и не предвидится никакой опасности их кризиса.

Итак, либо какофония, либо... джаз!

Журнал с редкой настойчивостью пропагандирует самые «горячие» формы джаза. В № 79 «Америки», например, напечатано даже целое исследование по истории джаза, где сообщается в заключение, что «музыканты джаза все чаще и чаще пишут в серьезной манере, а серьезные композиторы все больше используют джазовые элементы в своих произведениях. Когда эти две тенденции сольются, возникнет... новая американская музыка».

Впрочем, по признанию самого журнала, джаз своими «корнями глубоко уходит в традиции негритянской народной песни». Так что ожидающаяся «новая» американская музыка своим происхождением будет непосредственно связана с Черной Африкой...

Отказывая неграм в элементарных человеческих правах, пытаются присвоить себе их культуру, извратив ее на потребу белого обывателя.

В том же номере «Америки» помещены фото, рассказывающие об «успехах» американского абстрактного балета. Они сопровождены «пояснениями», из коих следует, что «абстрактный танец» легко можно сравнить «с некоторыми фазами абстракционной живописи».

Так из танца — этой стихии человеческой радости и ликования — изгоняется все человеческое, а сам человек — артист — подчиняется (такова уж «эстетика» абстрактного танца!) неодушевленным предметам; они-то и утверждают в танце чистую форму.

В балетах Николаиса вообще нет никаких «открытий», никаких «новаций», а лишь дань моде.

Более серьезное впечатление оставляет «Нью-Йорк Сити балет» под руководством Дж. Баланчина, чья хореографическая культура воспитана русским балетом. Об этом балете «Америка» пишет только в восторженных тонах. В самом деле, «Нью-Йорк Сити балет» — коллектив талантливый. В этом мы убедились во время его гастролей у нас, в Москве. Советская печать в целом положительно отнеслась к высокому профессиональному уровню молодого коллектива.

Одновременно советская критика справедливо отмечала, что на художественную цельность спектаклей этого балета отрицательно влияют и «напряженный экспрессионизм», и дешевые эффекты, и злоупотребление акробатическими приемами, и абстрактность ряда постановочных решений. Во многом это идет от эстетических устремлений самого Дж. Баланчина. В одной из своих статей он откровенно писал: «Я сторонник чистого искусства, искусства самого по себе».

Вот это «чистое искусство» и открывает путь к художественным, идейным срывам и просчетам. Искусство, когда его лишают высокой идеи, всегда эстетически слабо защищено.

Новое в современном балете — это прежде всего высокие гуманные представления о судьбах человека. Сохранить живым и гибким искусство балета в его исторических классических формах можно только на этом пути. Другой возможности нет!

Впрочем, многие ищут ее там, где поиски вообще бесплодны. Так, например, хореограф Джером Роббинс вообще начисто отказывается от музыки. «Без музыки движения приобретают драматичность (?!),— сообщает Роббинс о своем балете «Движение». Артисты останавливались, застывали на месте — и это волновало и восторгало. Не нарушаемые звуками паузы, которые выдерживали танцоры, оплетали исполнителей невидимой паутиной. Без декорации и музыки чистый танец предоставлен самому себе».

«Америка» спешит заверить, что «Движение» — последний крик хореографической моды — «может произвести переворот в практике балетных театров».

А на тот случай, если танец без музыки не оправдает себя, «Америка» предлагает соединить балет... с джазом. На этом фантазия журнала иссякает.

С тех же модернистских позиций «Америка» ведет разговор с читателем о театре. Статью, посвященную деятельности так называемого «Живого театра», журнал называет «Они боятся успеха». Не правда ли, странное название? Руководители «Живого театра» Джулиан Бек и Джудит Мэлина хотят, как они сообщают автору статьи, «разрушить основу старого театра, среди обломков докопаться до грунта».

Ну, а в чем состоит их «позитивная» программа? Создать театр поэзии, театр мечты, театр неограниченных возможностей. Но разве не к этому стремились многие другие «реформаторы»? Разве мы уже не слышали деклaративных заявлений ранних экспрессионистов и символистов, что их не устраивает чисто сознательное начало в театре, что они «хотят создать театр дерзаний»?

Именно этими или почти этими словами писались разные манифесты декадентских «новаторов» в 20-е и 30-е годы. Этими же словами сегодня заявляют о своем «эстетическом credo» Джудит и Джулиан.

Их цель — быть дерзающими, шокирующими, необычными. Для этого они используют сюрреализм и экспрессионизм, нелогичность чувств и поступков, нарочито бессмысленную речь, попытки стразить «поток сознания»...

Кто же они, эти «новаторы»? «Америка» отвечает и на этот вопрос. Они политически принадлежат к людям «выкорчеванным», к «салонным философам-анархистам», подвизающимся на той эстетской стезе, которая ведет в бездну мещанства и обывательщины. А этому именно способствует пропагандируемый «Живым театром» репертуар, где особое место занимает «Яблоко» Джека Гелбера — пьеса «о политике, безумии и смерти». Гелбер загромождает пьесу обилием трагических и комических ситуаций. И зритель покидает зал раздраженным, сбитым с толку.

В другой пьесе Гелбера, «Связь», выводятся... наркоманы. Действие развертывается в грязном притоне, где наркоманы с нетерпением ожидают прихода торговца героином. Гелбер старательно описывает их муки. «Мораль» пьесы автор видит в том, что между этими париями и пришедшими в театр зрителями, в сущности, нет больших различий. Прикасаясь скальпелем иронии к тканям «нормального» и патологического мира, автор старается доказать их внутреннее родство.

...Журнал «Америка» отмечает как достижение американской драматургии приход в литературу нескольких драматургов второго послевоенного поколения. Среди них — Эдуард Алби, Джек Ричардсон и уже упомянутый Джек Гелбер. Можно сказать, что их драматургия критически рассматривает американскую действительность. Но этот «критический аспект» полон отвращения к жизни, ужаса и цинизма.

Действие одной из пьес Алби, «Случай в зоопарке», происходит в нью-йоркском Центральном парке. Участвуют двое персонажей: Джерри, отпетый бездельник, которому автор пытается навязать роль «протестанта», и некий Питер, преуспевающий молодой человек, занимающий ответственный пост.

Питер призван олицетворять самодовольство и эгоцентризм. Джерри напрасно ищет общения с этим юным бюрократом. Центральная идея пьесы раскрывается в сцене встречи Джерри с... собакой. Он так подытоживает значение этой встречи: «Обменявшись взглядами, в которых тоска смешивается с подозрением, мы симулируем равнодушие и расходимся, не причинив друг другу вреда. Молчаливая договоренность... Мы с собакой пришли к компромиссному решению — вернее, заключили сделку. Между нами нет ни дружбы, ни вражды, между нами вообще ничего нет — пустота, которую мы и не собираемся заполнить».

Эта пустота чувствуется во всем, будучи ценою предельной стандартизации, вернее, обезличивания и обесценивания жизни.

Пьеса «Случай в зоопарке» кончается дра-

матически: Джерри вынуждает Питера убить его. И только в этот момент Джерри якобы удается проникнуть в сознание другого человека!

Пьеса Ричардсона «Юмор висельника»... Собственно говоря, это не одна, а две отдельных, хотя и связанных между собой пьесы. В первой автор говорит, каким образом нарушился «порядок» в жизни убийцы, во второй — в жизни палача. Автор противопоставляет внешний порядок — его требования и долженствования — внутренней свободе человека. И приходит к выводу: человек — жертва, игрушка в руках сил, не поддающихся его контролю...

По сравнению с творчеством «первого поколения драматургов», таких, как Теннесси Уильямс, Артур Миллер, Уильям Гиббсон, Падди Чаевский, творчество «молодых» представляет собой дальнейший шаг в царство пессимизма, душевной опустошенности и безрадостного одиночества.

Подытоживая свои размышления о творчестве молодых, «Америка» говорит, что их пессимизм следует рассматривать как «закономерную реакцию пытливой молодежи на поверхностный оптимизм и материальное благополучие послевоенной Америки». Но в американском искусстве последнего десятилетия вообще так мало радостных, светлых интонаций, ощущения полноценности, оптимистичности бытия! Это либо мрачные, натуралистические описания жизни, либо бегство от действительности в царство бессмысленной абстракции, патологическая возбужденность или оцепенение.

В этом искусстве нет настоящего героя, созидателя жизни,— человека с высокими, благородными идеалами. Все опустошено, выжжено холодным цинизмом, извращенностью побуждений и чувств.

В тоскливом отчаянии мечутся ведь и многие герои Теннесси Уильямса, Артура Миллера, У. Гиббсона. Но в еще большей степени это проявляется в творчестве «молодой» американской драматургии. Такая эмоциональная «настроенность» авторов растлевающе действует и на актерское искусство, развивая в ощущениях «героя» болезненно, недоверчиво мнительное отношение к естественной, здоровой логике человеческих чувств и поступков.

И вот после всего сказанного мы читаем в «Америке» выдержки из статьи американского режиссера Джошуа Логана (напечатанной в журнале «Театр Арс»). Логан приводит якобы внушительный список «достижений, свидетельствующих о жизнеспособности театра в Соединенных Штатах». А называются в этом списке пьесы, о которых мы вкратце уже рассказали. Они и подаются как «достижения»!

Та же тенденция ощущается в описаниях современной живописи и скульптуры. «Современное американское искусство,— сообщает «Америка»,— отличается большим разнообразием. Американские художники не придерживаются канонов какой-нибудь одной школы, каждый идет своим путем, каждый сам определяет свою судьбу. Пожалуй, всех их объединяет лишь одно: стремление к оригинальности».

«Оригинальность», пусть стоящая на грани невозможного, бессмысленного,— вот что обеспечивает «успех» художника в США. Стремление к эпатажу — общая черта всех конкурирующих между собой художников-одиночек. Именуется их «творчество» «абстрактным экспрессионизмом».

«Америка» называет наиболее выдающихся, по ее мнению, представителей этого направления: Роберт Мотеруэлл, Марк Ротко, Франц Клайн, Вилим де Кунинг, Ганс Гофманн.

Какие же «сюжеты» выбирают для своих картин эти признанные «метры»? Вот, например, «Утренняя дымка» Ганса Гофманна. Картина представляет собой «свободную композицию широких вертикальных и горизонтальных мазков, выполненных ограниченной гаммой интенсивных красок». Похоже скорее всего на образцы красок, которыми можно выкрасить тот или иной предмет. Но «Америка» считает, что эта мазня должна «волновать и стимулировать зрителя, вовлекать его в процесс создания, упорядочения и обработки композиции, которая все же строго ограничена основным замыслом и настроением художника»!

Или вот другая картина Аджи Юнкерса, «Гваделупа 1». По мнению автора статьи Генри К. Смита, эта картина «отличается еще большей свободой компоновки, чем произведение Гофманна. В ней художник пытается передать свои сугубо личные эстетические реакции на специфический импульс. Много воспоминаний Юнкерса связано с Гваделупой, и именно эти переживания, а вовсе не сам остров определяли содержание картины».

Но сколько бы мы ни вглядывались в «полотно», увидеть на нем ничего нельзя — ни острова, ни переживаний художника!

Такое же странное впечатление оставляет репродукция «картины» Авраама Раттнера «Черные ангелы» — бессмысленная путаница красок и линий.

Некоторые картины были экспонированы на 27-й Двухгодичной выставке современной станковой живописи в США, устроенной Коркорановской художественной галереей в Вашингтоне. Большинство выставленных работ исполнено в антихудожественной, неврастенической манере крайнего абстракционизма. Но встречались работы и реалистического направления. Именно в этой манере, быть может, несколько импрессионистично, была написана картина «1932 год» художника Левина. Это коллективный портрет недолгих властителей Германии — Гинденбурга и его сына Оскара, принимающих лицемерные заверения Гитлера. Перед нами в белом фельдмаршальском мундире старый слуга германского империализма, переживший поражение Германии в первой мировой войне и встречающий наступление хаоса нацистской диктатуры. Лицо одутловатое, белое — в нем нет уже красок жизни. Это почти полутруп в белом саване-мундире. Безжизненно лицо и у сына Гинденбурга — Оскара. Что-то тупое, безликое несет его изображение. Отец и сын — оба непогребенные мертвецы. И в форме штурмовика, в полусклоненной позе — маниакальный ефрейтор. Мрачное, злобное настроение временщика выразительно передано в растопыренных пальцах рук: они чем-то напоминают паучьи линии свастики. Картина отталкивает, но и предостерегает против неистовых маньяков... Таких картин на выставке немного.

По свидетельству Бена Хеллера, «абстрактный экспрессионизм» оказывается будто бы прямым продолжением развития западной живописи — той, которая целиком порвала с традициями реализма, с традициями правдивого воплощения и отображения жизни. «Преклонения и награды в нашем мире,— пишет Хеллер,— заслуживает не подражатель старому, а творец нового. Мы ищем новых форм, найдя их, немедленно уничтожаем — и продолжаем искания».

Как же здесь мало здравого смысла! Человеческое искусство никогда не следовало одним и тем же образцам. Мировая живопись знает много стилей, течений, эпох, и самые лучшие — непреходящие — образцы живописи возникали тогда, когда художники отражали живую действительность. Реализм как метод дал человечеству лучшие образцы изобразительного искусства — от Фидия до современных мастеров кисти и резца. Но лучшие современные художники-реалисты не подражают, а продолжают великие, животворные традиции, открывая новые страницы человеческого искусства. Для нас бессмыслица — искать новые формы, чтобы, найдя их, тотчас же уничтожить. Новые формы служат новому содержанию.

Форма, говоря словами Флобера, «не плащ. Нет, форма — плоть мысли, как мысль — душа жизни; чем шире мускулы груди, тем легче дышится». Утверждение подсознательного начала в творчестве, отрицание «сознательного контроля» — все это идет от упадочных философских школ и систем, выражающих стремление уйти от неумолимой правды жизни, действительности.

В свое оправдание абстракционисты много говорят о «внутреннем восприятии» мира. Однако это их «внутреннее», личное восприятие мира имеет очень мало общего с изображаемым предметом!

Эстетики из журнала «Америка» предсказывают, что изобразительное искусство стоит на пороге новой эры «внутренней живописи». Но все эти «открытия» и «предсказания» определяются не чем иным, как претенциозной модой. Пройдет мода, и что останется?.. Ничего! В угоду моде живопись уже потеряла глубину, всю систему перспективы, превратилась в то, что называется «плоским пространством». С исчезновением фона и глубины художнику пришлось создавать сплошное изображение.

Раскройте, однако, следующие страницы журнала «Америка» — вслед за теми, где расположилась статья об абстрактном экспрессионизме,— и вы увидите не репродукции, а фото, рассказывающие, что, согласно опытам Корнеллского университета, большинство малышей (включая и четвероногих) проявляют чувство восприятия глубины уже в тот день, когда начинают ползать. Неискушенные младенцы, оказывается, обладают врожденным чувством глубины, а вот искушенные мастера живописи из кожи лезут, чтобы «потерять» это чувство. Не правда ли, смешно?..

«Америка», как нам кажется, журнал информационный. Его цель — содействовать ознакомлению с культурой, бытом, своеобразием такой огромной и интересной страны, как США. И мы не можем не отметить, что в разделе культуры, точнее, в области изобразительного искусства, театра, музыки, балета, драматургии, нашему советскому читателю преподносится информация, мягко говоря, односторонняя.

Мы знаем, что в США имеются превосходные симфонические оркестры — бостонский, филадельфийский, нью-йоркский и другие,— знаем, что за мольбертами трудятся не только художники-абстракционисты, но и крупные мастера-реалисты, что многообразие современной скульптуры выражается не только в «метафоричности», «абстрактности», предельной условности.

К сожалению, обо всем этом «Америка» молчит. Пропагандируется же на страницах журнала далеко не лучшее, что имеет страна в области искусства. Вот об этом лучшем и хотелось бы знать советскому читателю.

В. ЗАЛЕССКИЙ

Я. М. ГИК

Умер Яков Моисеевич Гик — один из старейших советских журналистов, с которым мы, огоньковцы, вместе работали более 10 лет. Это был страстный партийный журналист, прошедший большую школу жизни, владевший отличным пером публициста, очеркиста, редактора.

Он начал свою журналистскую деятельность 35 лет назад в «Рабочей Москве», затем работал в «Гудке», «Водном транспорте», был корреспондентом «Известий» в Азербайджане, редактировал газету «Бакинский рабочий», был членом ЦК компартии Азербайджана и в 1950 году пришел к нам в «Огонек».

Я. М. Гик много творческой энергии отдал журналу, был секретарем партийной организации, пользовался любовью и уважением коллектива.

Это был журналист, горячо любивший свою профессию и отдававший ей все свои силы, знания, опыт, энергию.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

КРАН НА ВОЗДУШНОЙ ОПОРЕ

Обилие новостроек — таков облик сегодняшней Москвы. Не случайно многие иностранцы, побывавшие в советской столице, в шутку предлагают вписать в герб города строительный башенный кран.

Передвигаются такие краны по рельсам. Когда дом построен, приходится кран разбирать, перевозить и опять собирать. Это отнимает много времени и средств, тем более что при нынешних темпах строительства кран недолго остается на одном месте.

Научно-исследовательский институт организации механизации и технической помощи строительству Академии строительства и архитектуры СССР совместно с ленинградскими и минскими конструкторами создал башенный кран на пневмоколесном ходу «ПБК-5». Он предназначен для монтажных и погрузочно-разгрузочных работ на строительстве сборных жилых домов до пяти этажей. При работе на выносных (дополнительных) опорах кран может поднимать груз весом в пять тонн. А с грузом вполовину меньшим он способен самостоятельно передвигаться по ровной строительной площадке.

Вылет стрелы крана — 12,5 метра. Это позволяет ему обслуживать строящееся здание с двух сторон. При работе только на одной стороне дома используется стрела с вылетом двадцать метров. Правда, грузоподъемность при этом снижается до трех тонн на выносных опорах.

Чтобы перевозить кран с объекта на объект, его прицепляют к автомобилю. Монтаж производится одним крановщиком за несколько минут.

Н. ПОСЫСАЕВ

Электронный ассистент

Оригинальный аппарат для контроля за артериальным давлением, частотой пульса и дыхания и некоторыми другими физиологическими функциями создан группой сотрудников ленинградского конструкторского бюро «Биофизприбор» под руководством инженера А. А. Эмана. Новый аппарат — хирургический полиграф «ПГХ-01» — состоит из двух самостоятельных электронных приборов. Один из них контролирует артериальное давление, пульс, дыхание и степень насыщения крови кислородом. Второй регистрирует электрокардио- и электроэнцефалограммы. Прибор позволяет одновременно наблюдать оба процесса.

Опытный образец полиграфа был передан Первому московскому медицинскому институту имени Сеченова. Там его испытали во многих хирургических операциях, и он заслужил добрую славу.

По решению Министерства здравоохранения СССР хирургический полиграф передан в серийное производство.

А. ЧЕРНОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПУШКИНСКИХ ЛЕТ

Государственный музей А. С. Пушкина в Москве приобрел три рисунка, связанных с семьей первого директора Императорской публичной библиотеки, президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина.

Рисунок карандашом — портрет девушки. Она стоит со шляпой в руках, в платье с длинными, по моде 1830-х годов, очень широкими рукавами, тонкая талия затянута широким поясом. Это Анна Алексеевна Оленина, о которой писал Пушкин:

Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..

На нижнем поле портрета написано по-французски: «С натуры, князь Григорий Гагарин, Приютино, сего 4 июня 1833». Григорий Григорьевич Гагарин с детства жил за границей; приехав в Россию в 1832 году, сразу же знакомится с Пушкиным. В ноябре 1832 года он пишет матери: «Я познакомился с Пушкиным — автором. Мы в очень хороших отношениях. Я ему рисую виньетки для «Руслана и Людмилы». Естественно, что, приехав в Приютино, дачу Олениных под Петербургом, где часто гостил Пушкин, где звучали его стихи, художник захотел запечатлеть образ девушки, вдохновлявшей поэта. Этот портрет — один из лучших, созданных Гагариным. Тем более ценен он для пушкинского музея.

А вот второй интересный экспонат. Это вид Приютина — акварель работы И. А. Иванова, 1825 года. Художник нарисовал господский дом. В трех фигурах, прогуливающихся по дорожкам, можно узнать чету Олениных с дочерью Анной. В правом углу художник изобразил себя рисующим с натуры. Около него двое любопытных.

Летом 1828 года Пушкин участвовал во всех увеселениях многочисленного приютинского общества. Здесь, в Приютине, хорошенькая девятнадцатилетняя Анна, оговорившись, сказала «ты» поэту. Через три дня он привез ей стихи «Ты и вы»:

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила...

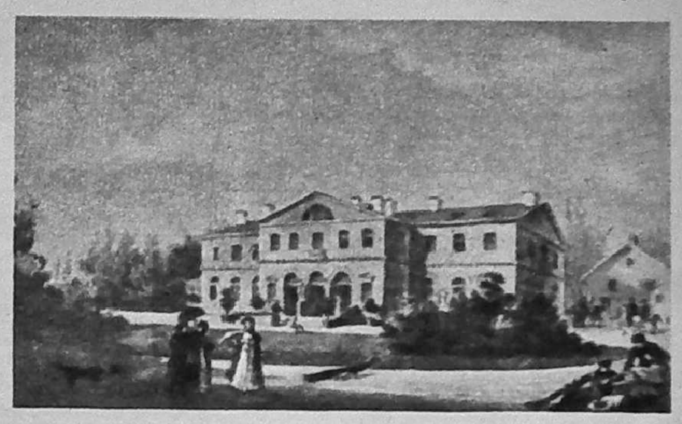
Тщательно выполненная акварель привлекает своей документальностью.

Третья вещь — парадная гостиная в приютинском доме, акварель неизвестного художника конца 1810-х — начала 1820-х годов. Вокруг столов, на диванах у стен группами расположились гости. В центре сидит Алексей Николаевич Оленин с листком бумаги в руках. Должно быть, он только что окончил чтение литературной новинки. За его креслом стоит Петр Андреевич Вяземский, «язвительный поэт, острян замысловатый, и блеском колких слов, и шутками богатый», по отзыву Пушкина. Слева от них сидит хозяйка дома, окруженная девушками. Акварель эта сделана, по-видимому, художником-любителем, но она овеяна ароматом эпохи.

Е. ПАВЛОВА

Анна Алексеевна Оленина.
Рисунок Г. Г. Гагарина.

Приютино.
Акварель И. А. Иванова.

Парадная гостиная в приютинском доме.
Акварель неизвестного художника.

ЗЛАЯ СТАРУХА ПОКОРИТСЯ

Ферганская долина — жемчужина Узбекистана: здесь выращивается «белое золото». Только в нынешнем году хлопкоробы двух областей — Андижанской и Ферганской — решили сдать Родине 1 миллион 138 тысяч тонн хлопка.

Но недостаток в поливной воде — беда здешних мест. В Кампыр-Раватское ущелье пришли изыскатели. Они уже выбрали место для будущей плотины, которая перегородит Кара-Дарью. Водохранилище вместит 1 миллиард 750 миллионов кубометров воды. Сток воды будет регулироваться. Это позволит улучшить орошение 200 тысяч гектаров плодородных земель, то есть увеличить сбор хлопка на 130 тысяч тонн.

Скоро в ущелье раздастся рокот экскаваторов, могучих самосвалов. На границе двух братских республик — Узбекистана и Киргизии — возникнет «Море дружбы». В перспективе здесь планируется возвести ГЭС мощностью 100 тысяч киловатт, которая будет одним из звеньев единой энергетической системы Средней Азии.

«Кампыр-Рават» по-русски — «злая старуха».

На снимке Л. Мейнерта вы видите голову каменной старухи — кампыр, стерегущей вход в ущелье, где скоро заплещутся воды моря.

Н. КОНДРАТЕНКО

ПОДВИГ В АРДЕННАХ

Владислав **СТЕПАНОВ**

Раскрыта еще одна славная страница участия советских людей в освободительной борьбе против фашизма в странах Европы. Стали известны имена советских героев Сопротивления в Бельгии, сражавшихся в предгорьях восточных Арденн. Среди них — геройски погибший комиссар 4-го Уртамблевского полка, славный сын Коммунистической партии, бывший комсорг судоверфи в Волгограде Евгений Доценко, командир роты Григорий Лизогубенко (Лерман), награжденный военным орденом Бельгии, последний командир полка Владимир Велогоненко.

Сегодня мы расскажем об одном из бойцов Уртамблевского полка, Анатолии Степанове.

Небольшая площадь, домики с черепичными крышами. Перед толпой — цепь солдат с выставленными вперед автоматами.

Уже более часа водят его по площади внутри людского четырехугольника. На скрученных назад окровавленных руках выломаны пальцы...

От него требуют признания, требуют указать, кто его кормил, кто давал кров.

— Говори, говори!.. Говори, у этого ты жил?! А этого знаешь?!

Пусть не бьются в тревоге сердца его друзей. Он не может предать их. Не может. Степанов, собрав последние силы, встряхнул головой, улыбнулся.

Опять кусают пальцы стальными щипцами. Ноги подкашиваются. Он падает. Сразу его начинают пинать тяжелыми солдатскими сапогами.

— Я этих людей никогда не видел...— хрипит он.

— Врешь!

В толпе раздается дикий женский вопль: офицер тушит папиросу о раскрытый глаз Анатолия...

Анатолий яростно ударил офицера, воскликнув:

— Все равно вам, собакам, погибать! Будьте вы прокляты!

Это происходило 10 июня 1944 года.

За несколько недель до того в Бельгии сходили с рельсов идущие в Германию поезда. Падали в воду взорванные фермы мостов, был поврежден тоннель. На лесных дорогах предгорий Арденн обстреливались военные грузовики, был убит один из главарей льежского гестапо, Лонгре, и фашистские газеты оккупированной Бельгии пестрели броскими заголовками: «Красные на дорогах Арденн», «Осторожно, партизаны!».

Борьба принимала все более ожесточенный характер. Гестапо пыталось ослабить действия партизан путем засылки в их ряды провокаторов, но партизаны были начеку.

1 апреля 1944 года партизаны понесли большие потери: наткнулись на засаду. В неравной схватке погиб комиссар Евгений Доценко, герой Сопротивления Урт-Амблева (Урт-Амблев — небольшой край предгорья Арденн). В тот же день погиб командир полка Жан Коллар. Спустя несколько месяцев был схвачен и замучен в тюрьме сменивший его Жозеф Пермантье. Но борьба продолжалась: летели под откос поезда, валились взорванные мачты высоковольтного напряжения, прерывая снабжение электроэнергией заводов и фабрик, работавших на немцев.

8 июня из Льежа пришли сведения: фашисты готовят крупную операцию по прочесыванию Урт-Амблева. Облава будет проводиться большими силами. К этому времени наши войска гнали гитлеровских захватчиков прочь с советской земли. Немецкое командование спешно перебрасывало резервы из оккупированных стран. Поэтому гестапо намеревалось — пока еще оно располагало достаточными силами — одним ударом уничтожить силы партизан в Урт-Амблеве.

Партизаны получили указание центра рассеяться и малыми группами уходить в соседние районы.

Анатолий Степанов и Иван Пальчиков вышли из леса на склон горы. Неожиданно они увидели перед собой поднимающийся вверх по склону отряд немцев. Степанов и Пальчиков укрылись в заброшенном сарае. Но кто-то из немцев заметил их. Очевидно, решив проверить у подозрительных людей документы, офицер скомандовал двум солдатам следовать за ним.

В первую очередь нужно поразить автоматчиков. Потом офицера. Теперь скорей из сарая. Выскочив из двери, они бегут вниз по склону. Там, внизу, есть вход в шахту. Надо укрыться в лабиринтах ее штреков. Пока каратели оправились от неожиданности, двое партизан уже успели сбежать вниз по склону. Целый град пуль летит им вдогонку, но счастье не изменяет партизанам: они продолжают перебегать от камня к камню и ныряют в штольню шахты. Но куда бежать? Черными ноздрями расходятся штреки старых и новых забоев. Какой из них старый штрек с выходом на волю?

— Ваня, давай вправо, а я влево, в случае чего — так, чтобы не двоим...

— Лады,— ответил Иван.

И они разбежались.

Дальше Пальчиков бежал в темноте, порой он ударялся о каменные выступы. Падал, корчась от боли, но вскакивал и бежал в темноте дальше.

Он почувствовал, что погони за ним больше нет. Впереди забрезжил свет. Выход! Ушел!

А где-то в глубине шахты послышались пистолетные выстрелы...

Фашисты оставили тело Степанова посреди площади, запретив бельгийцам убирать его. Но местные жители и партизаны ночью унесли Анатолия и положили в сарае. Кто-то, чтобы сохранить в памяти его подвиг, сфотографировал героя.

Бельгийцы, приехавшие в Советский Союз, рассказали о героях-партизанах, сражавшихся в Урт-Амблеве.

Анатолий Федорович Степанов говорил, что он летчик, капитан, родился в 1910-м, жил в Ленинграде, улица, кажется, Интернациональная.

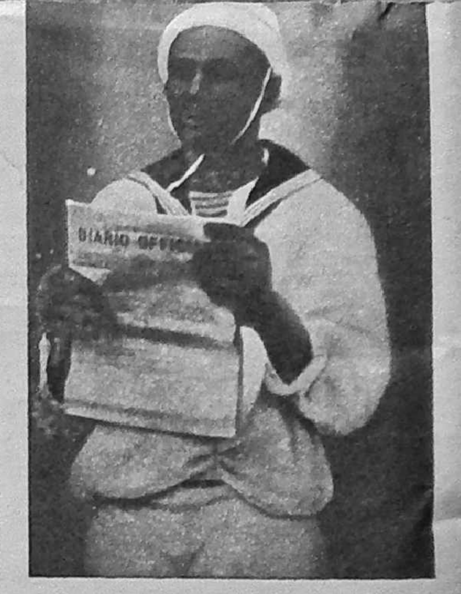
В архиве управления ВВС мне ответили, что Анатолий Федорович Степанов, 1910 года рождения, капитан авиации, в списках авиационных кадров довоенных и военных лет не значится.

Поэтому есть сомнения: Анатолий ли он? И Степанов ли? Может быть, на этот вопрос ответят последующие поиски.

Свежие цветы лежат на могиле героя Сопротивления Анатолия Степанова. Их принесли люди, преисполненные чувства глубокой благодарности. Герои не умирают. Их подвиги вечны.

Советские партизаны. Слева — Анатолий Степанов.

Черный адмирал — Жоан Кандидо. 1910 год.

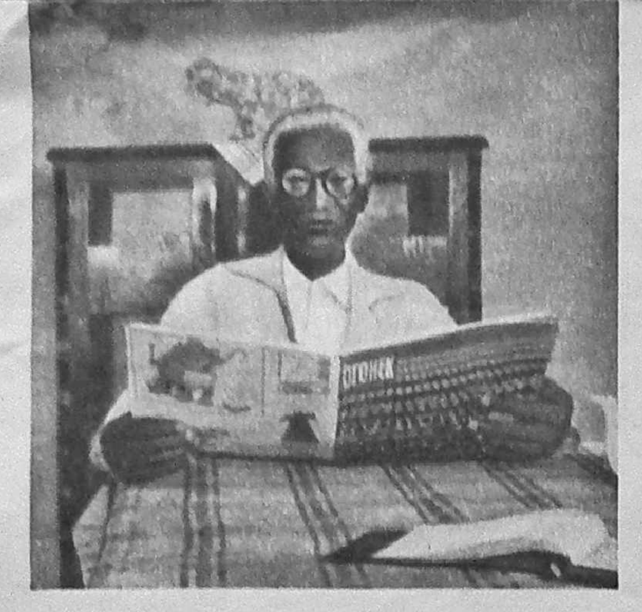
Отавио **БРАНДАО**, бразильский писатель,

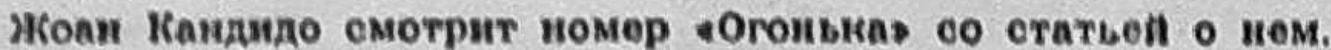
Олег **ИГНАТЬЕВ**, корреспондент АПН

Пожалуй, это было самое шумное место во всем Рио-де-Жанейро. Как только уходили пассажиры, спешившие перебраться последним рейсом маленького пароходика с одного берега Гуанабары на другой, в Нитерой, всем пространством завладели те, кого кормило море. К причалам подходили парусные и моторные баркасы, плоскодонные шаланды, пузатые лодчонки, в которых трепыхались крупная и мелкая рыба, крабы, лангусты и креветки. Оптовые торговцы с обрывками бумаги в руках и карандашом за ухом отдавали короткие распоряжения, совершенно непонятные для непосвященных и полные делового смысла для тех, кому они предназначались.

Рыба. Запах рыбы, казалось, пропитал каждый дюйм земли на площади Праза Кинзе. И стойки навесов, и бухты канатов, и даже фуражка портового сборщика налогов — все здесь пахло рыбой. Рыбой и морем.

Жоан любил этот запах, как любил все имевшее отношение к морю. Ему нравились предрассветные часы у рыбного причала с их шумом и гомоном, с мускулистыми телами грузчиков, беззвучно скользивших по шатким доскам трапов, держа на голове корзины, наполненные рыбой, с рыбаками, производившими сложные маневры в мешанине судов и снастей. Вот уже около сорока лет изо дня в день, изо дня в день приходит Жоан сюда на работу. Никто не сможет счесть, сколько корзин с рыбой перетаскал он за это время. А когда стихала горячка и около рынка появлялись первые покупательницы, Жоан позволял себе сделать маленькую передышку. Он ставил корзинку в угол барака и шел на соседний

Жоан Кандидо смотрит номер «Огонька» со статьей о нем.

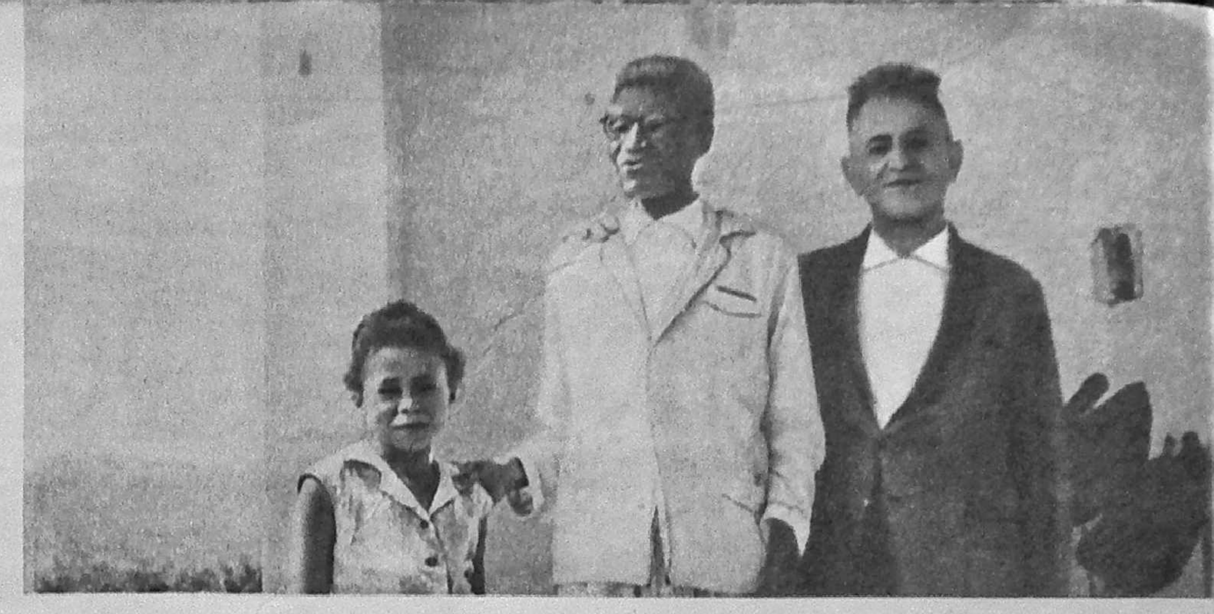

Жоан Кандидо с внучкой Селмой и Отавио Брандао на крыльце дома.

Фото О. Игнатьева

Вы помните, читатель, опубликованный в «Огоньке» (№ 50 за 1962 год) очерк В. Владимирова «Черный адмирал»? В нем рассказывалось о Жоане Кандидо, герое восстания бразильских моряков. Пятьдесят три года прошло с тех пор, как черный адмирал и его товарищи подняли над броненосцем «Минас Жерайс» флаг со словами «Родина и Свобода». Мы ничего не знали о том, как сложилась судьба Жоана Кандидо после полицейской расправы над восставшими моряками, после тюрьмы и ссылки. Черного адмирала считали погибшим.

И вот в «Огонек» пришло письмо из Бразилии...

пирс, туда, где, если не мешают ящики с грузами, открывается вид на стоящие на рейде военные корабли. Жоан садился на чугунную тумбу, клал большие, натруженные руки на колени, смотрел на строгие силуэты эсминцев. А потом, когда вахтенный на каком-нибудь из судов начинал бить склянки, Жоан поднимался и шел домой, а в это время и на здании «Месбла» заводили свою мелодию большие часы и раздавалось шесть ударов. Старый Жоан, слушая их, всегда улыбался: обязательно корабельный колокол отбивает время на полминуты раньше, а Жоан считал, что морское время более точное, и не желал доверять электрическому механизму сухопутных часов. Связал свою судьбу с морем Жоан Кандидо, так и умрет моряком.

Жоан Кандидо. Черный адмирал. Помните, в одном из прошлогодних номеров «Огонек» рассказывал о его судьбе, о судьбе матроса бразильского военного флота, поднявшего восстание на эскадре в знак протеста против телесных наказаний. Он жив, Жоан Кандидо! Он чудом избежал смерти в заключении на острове Кобрас. Жоан симулировал буйное помешательство, и власти поместили его в психиатрическую лечебницу, что находилась на Красном пляже. Через некоторое время снова пришел приказ «доставить опасного преступника в старое место заключения», и еще раз за Жоаном Кандидо захлопнулась тяжелая тюремная дверь на острове Кобрас. Имя отважного моряка вычеркнули из списков военного флота. Начался процесс. Он длился два года. У Кандидо открылся туберкулез. Подумали, что все равно дни его сочтены, и Жоана отпустили на свободу. Судовладельцы отказывались дать ему работу. Потянулись дни, полные нужды и лишений. Наконец бывшему моряку удалось устроиться грузчиком на рыбный причал. Сорок лет работал на Праза Кинзе черный адмирал, и потом, в середине пятидесятых годов, когда уже не стало былых сил, он попрощался со старыми товарищами и ушел из порта.

...Недалеко от Праза Кинзе находится межгородская автобусная станция. Отсюда мы, бразильский писатель и советский корреспондент, отправляемся в местечко, которое носит странное имя Коельо да Роша, что в переводе на русский язык означает «Скалистый заяц». Там, в Коельо да Роша, живет сейчас наш герой — черный адмирал Жоан Кандидо.

Городок Коельо да Роша тоже ничем особенным не выделяется среди множества ему подобных этого района Бразилии. Пыльные, немощеные улочки, одноэтажные домики, два бара, где убивающие время местные жители сосредоточенно играют в кости. Изредка проползет грузовик, груженный зелеными связками бананов, и тогда из подворотен выскакивают бразильские барбосы и жучки, бросаясь с сердитым лаем почти под самые колеса.

Мы постучались в дверь одного из домов, где, по нашим сведениям, жила дочка Жоана Кандидо. Дверь открыла пожилая негритянка. На ее руках сидел карапуз лет двух, а из-за юбки выглядывали еще две детские головенки. Да, конечно, они охотно покажут, где живет дедушка Жоан. «Селма! — крикнула женщина.— Проводи сеньорес к дедушке Жоану да заодно отнеси ему бутылку молока».

Жоан Кандидо жил в крошечном домике, стоявшем на пригорке. Нас встретила его жена Ана до Насименто, крепкая старушка лет семидесяти.

— Жоан! — Она просунула голову в соседнюю комнату.— К тебе пришли.

И вот мы видим того, чье имя полвека тому назад гремело по всей Бразилии. В горницу входит, чуть-чуть шаркая, очень высокий седой негр. Протягивает крепкую жилистую руку, немного смущенно улыбается. Мы объясняем цель нашего прихода, вручаем прихваченный номер «Огонька» с напечатанной в нем статьей В. Владимирова о черном адмирале. Глаза старика по-юношески заблестели. Он явно взволнован. Мы пересказываем ему содержание очерка, говорим, как хочется узнать миллионам читателей «Огонька», что легендарный герой Бразилии жив и в полном здравии. Кандидо перебивает нас, подходит к этажерке и вынимает аккуратно сложенный экземпляр журнала «Советский Союз» на испанском языке.

— Я знаю о Советской стране, я много слышал и читал о ней,— говорит он потом, рассматривая огоньковскую фотографию, на которой запечатлен бравый моряк бразильского флота Жоан Кандидо.— Я знаю, что советские люди — очень искусные моряки.

Мы расспрашиваем о последних годах его жизни, чем он занимается, большая ли у него семья. Кандидо женился вскоре после того, как его списали с флота. Сейчас у него две дочки и шесть сыновей. В отношении же числа внуков и внучек произошла небольшая заминка: Ана утверждала, что всего их двадцать два, а сам Кандидо доказывал, что только девятнадцать. Оказалось, действительно двадцать два. Домик принадлежит одному из сыновей Кандидо, который перебрался в Рио и отдал его отцу. Дети очень хорошо относятся к родителям, и старики живут на их средства.

— Ну, а как, вас не забывают, помнят?

— Конечно.— Кандидо утвердительно кивнул головой.— Два года назад меня пригласили в родной штат Риу-Гранди-ди-Сул, и я побывал в городке Риу-Парду, где вырос. Студенты штата объявили меня почетным членом своего союза и преподнесли диплом.— И старик указал на висевший на стене под стеклом документ.— Меня даже принимали в Ассамблее штата, где за несколько лет до этого особым декретом установили пенсию в восемь тысяч крузейро. Правда, сейчас на восемь тысяч в месяц не проживешь, да и высылают их неаккуратно, но дорого внимание, а помощь я и от своих ребят получаю достаточную.

Мы спрашиваем, что он хочет передать читателям «Огонька».

— Передайте большой привет и самые наилучшие пожелания,— отвечает черный адмирал.

На прощание все выходим на крыльцо фотографироваться. Жоан Кандидо кладет руку на плечо внучке Селме, одной из двадцати двух представительниц и представителей третьего поколения Кандидо.

Потом черный адмирал несколько мгновений стоит, устремив взор вдаль, где от легкого ветерка слегка качаются верхушки пальм, и вдруг спрашивает:

— Вы чувствуете, как пахнет морем?

До нас доносятся запахи скошенной травы, апельсинов и чуть-чуть манго.

— Да,— отвечаем мы черному адмиралу,— действительно пахнет морем.

Рио-де-Жанейро.
Июнь 1963 года.

ЧЕРНЫЙ АДМИРАЛ!

ЗУЛЬФИЯ

Сердце в

НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятьях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газельи,
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесок звенит серебро.
Перья филина, эти султаны,— как сон несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом, на тропке засохшей, цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом.

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям. А друзья, понимаете сами,—
Те орлы молодые, которые ждут их всегда».

Юный друг мой в отчаяньи... Семь сновидений румяных
В семь сторон устремляются, будто бы семь ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с самого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Непременно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алмаатинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят.

В раннем детстве и я тюбетейку с султаном носила,
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

КОКЧЕТАУ

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна.
Отраженье в воде, как волшебную книгу, читаю,
И чудесна ее новизна.

Но и этого мало,— поэт с вдохновенною песней
Появился и горную даль предо мной распахнул.
Он сказал: «Ты поверь мне, что станешь моложе, прелестней,
Если ты поглядишь в Ойнакул».

О Зеркальное озеро, камнем на дно твое лягу,
Затеряюсь я в роще твоих заплясавших берез,
Но возьми меня, властное, дай мне воспеть твою влагу,
Ту, что мне чародей преподнес.

Смотрят два моих глаза, как два удивленных джейрана,
На открывшийся мне с высоты беспредельный простор.
То, что виден мне мир далеко-далеко, разве странно?
У весны, у любви зоркий взор!

Все тропинки, как строки стихов, для меня зазвенели.
О, как сердце бурлит! Нет, оно — не озерная гладь,
Жаждет песни оно от иголочки каждой, как ели
Жаждут лапами солнце достать.

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной хвое?
Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,
Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза — как родник, жаркий взгляд задушевен, как друг
Их молчанье — молчанье вулкана, а песня — как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь — иль русалкам,
Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косого разреза,
В них решимость. Стоит он скалой, что не может упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной страною,
Мне бы тоже такую сложить!

сегда в пути

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волненье обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

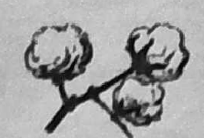
То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок небес, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней —
Они слывут недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстоянье велико,—
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, капле, что почет и непочет?
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Как будто что-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была пьяна.
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслажденьем не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья,
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его, в злобе своей непреклонный,
И от боли вздыхала земля.

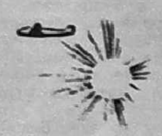
И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

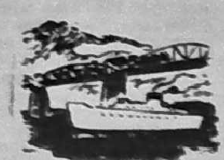
ОСЕНЬ

Вот и осень... Но я не прошу об участье.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

СЕРДЦЕ ВСЕГДА В ПУТИ

Я двигаюсь водным, земным и воздушным путем.
Державы, поля, города, кишлаки пролетели.
Земля расстилается пестрым лоскутным шитьем:
Различны привалы, дома, и раздумья, и цели.

Со мной мои спутницы: песня, мечта и любовь.
Всегда я в пути, как земля, как родная планета.
И даже во сне отправляюсь я странствовать вновь,
В постели, как в лодке, стремлюсь я к причалу рассвета.

Пусть время спешит, нам стреножить его не дано.
К деяньям людским тяготею земным притяженьем.
О чем ни пишу, все движением жизни полно,
И движется сердце мое непрестанным движеньем.

Перевел с узбекского С. ЛИПКИН

Весь вечер на манеже

В новосибирской гостинице «Центральная» этот человек был, пожалуй, единственным, который не ждал и не требовал номера. Войдя в вестибюль, он направился прямо под лестницу. О многом напомнил ему этот уголок. Лет тридцать пять назад он жил здесь, в маленькой каморке под лестницей, работая помощником швейцара и чистильщиком обуви. Еще он бегал в школу и мечтал об искусстве, о цирке. И он поступил туда униформистом. Даже видавшие виды артисты удивлялись настойчивости, с которой он постигал сложное, мужественное, а порой и опасное искусство. В свободное от работы время парнишка учился ходить по канату, крутить сальто, жонглировать, играть на трубе, вольтижировать на лошади.

Тридцать лет назад появилось на афишах имя клоуна Бориса Петровича Вяткина. Новосибирцы считают его своим: ведь это в их цирке вышел он впервые униформистом на арену. Претендуют на Вяткина и ленинградцы: здесь под руководством опытного режиссера Г. С. Венецианова окончательно сложился образ коверного клоуна. Из Улан-Батора в первые дни войны Вяткин отправился на фронт. А рижанам артист памятен по первой послевоенной программе. Недавно все они поздравили заслуженного артиста республики с пятидесятилетием.

Вяткина можно увидеть и играющим со слонами в футбол, и на ажурном мостике гимнастов под куполом, и в аттракционе иллюзионистов. Веселому, находчивому артисту аплодировали зрители Чехословакии, Югославии, Польши, Индонезии.

Однажды в холодную зимнюю ночь Борис Петрович подобрал на улице маленькую рыжую дворняжку. Он назвал ее Крошкой. С ней он прошел длинные дороги войны, выступая во фронтовых бригадах. Манюня, которая выступает с клоуном теперь,— четвертое поколение той рыжей дворняжки. Кроме этой солистки, Вяткина всегда сопровождает множество четвероногих спутников. Борис Петрович изобретательно вводит их в свои выступления. Загримированные под слонов собаки выбегают на призывный тарзаний зов, разыгрывая с артистом пародию на западный боевик. В сценке, клеймящей воров и хапуг, на глазах у зрителей одна за другой Манюни появляются из домика с надписью «Мясной склад», волоча в зубах гусей, уток, окорока, связки колбас и сосисок; в заключение приходит и тот, кто устроил их на эту работу,— осел в шляпе. С большим энтузиазмом питомцы клоуна имитируют игру халтурных джаз-оркестров.

Е. ЖАРОВА
Фото С. Мишина.

Секретарь партбюро отделения совхоза «Нижнеколымский» — Варя Винокурова.

Мужественная династия

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Это было в те дни, когда в Москву уже пришла весна.

На совещание собирались оленеводы — передовики Колымы и Индигирки. Рисовались экзотические картины: вот примчатся на быстрых упряжках суровые, прокаленные морозом люди, укутанные в меховые кухлянки, торбаса и еще во что-то незнакомое и романтичное. А после совещания вместо обычного концерта, небось, состоятся скачки на оленях...

Но оленьих упряжек в морозной Усть-Нере я не увидел. На самолетах слетелись на совещание его участники. Ведь дальние совхозы лежат от Усть-Неры за несколько сот километров! Не было и меховых одеяний. В зале сидели люди, нарядные и подтянутые, мужчины в костюмах и при галстуках, женщины... Впрочем, женщины здесь точно так же следят за модой, как в столице.

Странные представления порой имеешь: еще со школы — виноват в этом учебник географии — застряло в голове, что олень — животное неприхотливое, знай ковыряет копытом снег, а там ягель — пощипал да и сыт. И никакой заботы оленеводу. А заботы есть, их много, о них-то и шел разговор на совещании.

Вот рассказывает о своей работе бригадир Верхнеколымского совхоза Георгий Николаевич Горохов:

— Обязательства свои мы перевыполнили. Что считаем главным в работе? Все главное.

Пасем на хороших пастбищах, не делаем далеких перегонов. Если не спланируешь, где пасти, не будешь менять маршруты, олени перетопчут пастбища, и беды не оберешься: ягель ведь восстанавливается только за двадцать лет.

Пастухи у нас дежурят круглосуточно, летом устраиваем дымокуры, иначе гнус житья оленям не даст. Но это ведь кустарщина, нужны дымовые шашки, химикаты. Пусть руководители производственного управления помогут нам их получить.

Скоро начнется отел, места для этого нужно подыскать заранее, и чтобы снег неглубокий был, и ранние проталины, от ветра закрытые. Да и продумать надо, куда потом перегон пойдет, а то попадутся на пути речки — опять беда: простудятся и погибнут тугуты — маленькие олешки.

Да и выкормить малышей не просто, тут нужна воспитательная работа с важенками. Вы не смейтесь, сами знаете: есть матки — что кукушки, бросают тугутов на произвол судьбы, кормись, мол, как знаешь, а мне с тобой возиться неохота!

Мы таких мамаш от стада отделяем и в сторонке привязываем. Хочешь не хочешь, а за своим ухаживай. А потом, как привыкнет немного к родительским обязанностям, потихоньку приобщаем к остальным, сознательным...

На трибуну поднимается невысокий человек в черном костюме и щеголеватых чесанках. Мой сосед шепотом рассказывает о нем. История Александра Ивановича Булдыкина не совсем обычна даже для Дальнего Севера.

Говорят, будто он бывший эвенский князь, но это неверно, просто он старейшина рода. Пришел в совхоз со всем своим родом — а это сорок семей — только два года назад. До того кочевали, вели натуральное хозяйство, и найти их в бескрайней тундре было так же трудно, как иголку в стоге сена. Власти никакой не признавали, хотя и знали о переменах в жизни Севера. Булдыкин долго крепился, но одолевали трудные думы, мучили сомнения: так ли уж хорош старый уклад?

Нелегко менять убеждения, когда тебе под семьдесят, но сама жизнь подсказала Александру Ивановичу: нужно. И вот наконец в одном из самых отдаленных совхозов появилась новая бригада во главе с бригадиром, срезавшим свою черную, без единой сединки косу...

Заговорил Булдыкин, и мне показалось, что он стихи читает или песню поет. Речь его удивительно напевна, интонация почти не меняется, слова нижутся часто-часто, но не скачут, а плавно так текут.

Но это была не поэма, а... деловая критика. Вот что перевел мне сосед:

— Оленей-то пасти мы, конечно, умеем и молодняк сохраняем хорошо: опыт есть. Помощь надобна в другом: мало специалистов, особенно ветеринаров. И литература нужна оленеводам, а у нас ее не хватает. Учебу наладить надо: в нашей бригаде много неграмотных — наследство прежней жизни. Медикаментов маловато, и храним их неправильно, следует аптечки для тундры делать особые, в непромокаемых ящиках.

Сборные юрты из пластиков для нас не годятся: громоздкие, собирать на холоде трудно, винтов много, и ломаются они, не выдерживают наших морозов. В пургу снег пробивает швы. Сборные юрты или домики нужны специальные, с учетом наших особенностей.

Радио у нас есть, но с батареями плохо: у них срок годности полгода, и пока их к нам доставят, они уже все свойства теряют. Еще нужна нам постоянная авиасвязь. Зимой-то ничего, а летом совсем от мира отрываемся: площадок посадочных нет. А ведь рек и озер у нас сколько хочешь — дайте гидросамолеты, в любом месте садиться будут.

И пора людей отучать от старой привычки — кочевать всей семьей. Надо так организовать, чтобы со стадом передвигались только пастухи, а остальные должны оставаться в поселках.

А в заключение Александр Иванович сказал:

— Жизнь малых народностей стала хорошей, за это наше большое спасибо Советской власти. Н хотя много есть разных житейских вопросов, их решить нетрудно. Только этим надо постоянно заниматься. А за нами дело не станет — столько дадим мяса, что успевайте только вывозить!

...Много интересного говорили на совещании. Говорили, что пришла пора создать в Якутском университете факультет оленеводства. Радовались тому, что за два года доход их вырос в три с половиной раза, и прикидывали, какие ре-

Операционная сестра Матрона Федорова готовится поступить на медицинский факультет Якутского университета, а пока помогает студентам в учебной операционной. На этот раз второй хирурга выполняет второкурсник Михаил Иванов.

В теплице Якутского Ботанического сада зацвели огурцы. У старших лаборантов Аллы Александровой и Онеги Орловой всегда много забот.

Якутский танец оленей исполняет коллектив городского Дворца пионеров.

Единственные черные пятна в тундре — оленьи стада.

зервы нужно привести в действие, чтобы дать в этом году три тысячи тонн оленины...

После совещания состоялся все-таки концерт, и оленеводов приветствовали иркутские артисты. А наутро все разлетелись по домам.

Улетел и я, улетел еще дальше на север вместе с директором совхоза Нижнеколымский Николаем Ивановичем Тавратом.

Внизу петляли реки в серой оторочке кустов, среди редколесья были разбросаны белые блюдечки озер, потом лес неожиданно оборвался ломаной линией, и открылось ровное, ослепительное в своей белизне и однообразии пространство — тундра.

Николай Иванович ушел в пилотскую кабину: помочь летчикам искать стадо. Вскоре на горизонте показалось черное пятно, стало расти, потом раздробилось на отдельные точки, и вот уже скачут врассыпную маленькие, будто игрушечные, олешки, напуганные ревом мотора.

Несколько кругов, и самолет садится возле самой палатки.

— Ну вот, Афанасий, ты и дома,— говорит Таврат бригадиру Тымкелю.

Афанасий Гаврилович подхватывает свой чемоданчик, и мы идем в палатку. Там на раскаленной железной печке сердито брюзжат чайники, и вся бригада — четыре человека, не считая трехлетнюю Иринку Тымкель,— хлопочет над угощением. Иринке не до чая — она запустила свои фарфоровые зубки в огромное яблоко и пострееливает на взрослых черными бусинками глаз. Знакомимся, на шесть человек — четыре национальности.

— Ничего удивительного,— смеется Таврат,— у нас в совхозе тринадцать народностей — настоящий интернационал. Как объясняемся? Очень просто, каждый несколько языков знает, например, моя жена — пять.

Бригадир открывает чемоданчик, раздает подарки, потом снимает пальто, костюм, надевает меховые брюки, сшитые вместе с торбасами, кухлянку и сразу становится таким северным оленеводом, каких мы привыкли видеть на снимках.

Тымкель хлопает себя по меховым бокам:

— Какая работа, такая и спецовка.

Пока готовится чай и строганина (второе — в основном чтобы удивить гостей), Афанасий Гаврилович выходит посмотреть стадо.

На попечении бригады две тысячи оленей, а всего в совхозе их в девятнадцать раз больше.

Но вот наш визит закончен, радист самолета стукает деревянной кувалдой по примерзшим лыжам, и через минуту стадо снова видится нам темным пятном.

Летим к рыбакам на озеро Наталья. Бревенчатая избушка, ездовые собаки, черная лунка в двухметровой толще льда и полная сеть рыбы. Шлепаются на снег дымящиеся, как из ухи, налимы и сразу становятся деревянными: минус тридцать пять градусов. Поздно приходит сюда лето, снег исчезает только к концу июня, да и то не каждый год...

Вот и поселок Колымский — одно из четырех отделений совхоза. Показывает нам его Варя Винокурова, заведующая зверофермой (две тысячи пушистых юрких норок). Недавно Варю избрали секретарем партбюро отделения.

Широкая улица, добротные бревенчатые дома, школа на сто пятьдесят ребят, интернат для тех детей, чьи родители ушли в тундру со стадами. В детский сад мы зашли, когда малышей уложили после обеда, но они еще не заснули и таращили из-под красных одеял сонные глазки. Потом дрема одолела даже самых шустрых. В доме остались бодрствовать только молоденькие няни, да покорно ждали пробуждения своих владельцев яркие гармошки, целый гараж педальных «москвичей» и длинная шеренга зайцев и буратино, выстроившаяся на низеньком шкафчике. А на каждой дверце шкафчика нарисованы морковка, птица или бабочка — личный герб маленьких наследников мужественной династии северных оленеводов.

Полярного летчика Валерия Ильича Кузьмина хорошо знают в тундре. На этот раз он доставил домой участников совещания.

Теперь упряжка — транспорт близких коммуникаций.

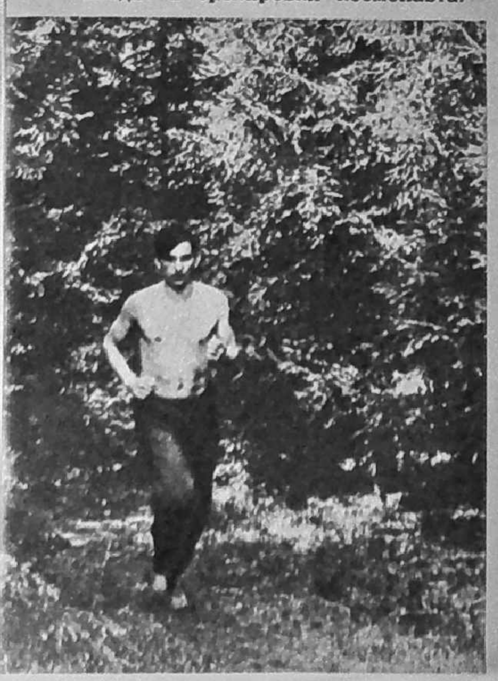
Перед выходом на о

Валерий Быковский занимается на батуде.

Валентина Терешкова на гимнастическом снаряде.

Бег на дальние дистанции тоже входит в тренировки космонавта.

Весь мир с напряженным вниманием следил за космическими рейсами Валерия Быковского и Валентины Терешковой.

— Как готовили их к рейсам, как тренировали?

С этим вопросом мы обратились в научное учреждение, занимающееся проблемами полета человека в космос.

— Полеты Гагарина, Титова, Николаева, Поповича,— сказал нам научный сотрудник,— позволили советским ученым приподнять завесу тайн космоса. Но на пути человека во Вселенную еще стоит ряд нерешенных задач, требующих тщательных исследований. Наиболее важные из них — это изучение влияния на человеческий организм состояния длительной невесомости, биологического действия космической радиации и перегрузок — я имею в виду перегрузки, которые испытывает космонавт при возвращении на землю после состояния невесомости. Ну и, конечно, анализ влияния на человеческий организм всего комплекса факторов космического полета.

Кроме того, предстояло провести сравнительный анализ воздействия факторов космического полета на организм мужчины и женщины.

Вот, коротко говоря, круг тех проблем, которые оставались в поле нашего зрения в ходе тренировок космонавтов пять и шесть.

Прежде всего о физической подготовке. Все космонавты — это люди отличного здоровья. Но телосложение их, конечно, различно. Валерий Быковский, например, худощав, но крепок. Кажется, что он весь состоит из сухожилий, мускулов. Однако у Валерия так же, как у его небесных братьев, после первых тренировок резко учащался пульс, повышалось кровяное давление, он быстро утомлялся. Нас это не удивило. Мы понимали: Быковский еще недостаточно натренирован и потому плохо приспосабливается к физическим нагрузкам. Так же было и с Терешковой.

Регулярные занятия гимнастикой, плаванием, баскетболом и другими видами спорта помогли космонавтам быстро приобрести спортивную форму. Но для длительного пребывания в невесомости одной общей физической подготовки недостаточно. В невесомости может возникнуть нарушение пространственной ориентировки — состояние, похожее на морскую болезнь. Полет Николаева и Поповича показал, что наиболее эффективная мера профилактики таких расстройств — это научно обоснованный отбор и специальная тренировка космонавтов.

Женщин, желающих лететь в космос, мы, образно говоря, просеивали через более мелкое медицинское сито, выбирали из них наиболее устойчивых на вестибулярную реакцию.

— Случайно ли, что первая в мире женщина-космонавт является парашютисткой?

— Нет, не случайно. Парашютные прыжки позволяют отрабатывать навыки, нужные космонавту. В свободном падении парашютист учится управлять своим телом в воздухе, испытывая ощущение, близкое к невесомости, тренирует вестибулярный аппарат. Привыкает он и к перегрузкам, которые возникают при раскрытии парашюта. Кроме того, парашютисту свойственна быстрая реакция, смелость, хладнокровие, самообладание. Если летчик борется с силами воздушной стихии, вооруженный могучей авиационной техникой, то парашютист должен рассчитывать главным образом на свое мастерство и хладнокровие.

Валерий Быковский проходил тренировки, укрепляющие вестибулярный аппарат, на самолете, где пилотированием достигалось состояние кратковременной невесомости. Врачи остались довольны результатами первого полета. До упражнений пульс у него был 76 в минуту, а в невесомости — 78—88. Максимальное кровяное давление в горизонтальном полете — 155, а в невесомости — 160.

Но это, так сказать, объективные медицинские показатели. А ощущает невесомость каждый человек по-своему. И рассказывает об этих ощущениях тоже по-своему. Вот записи, сделанные Быковским в журнале, где фиксируются результаты опытов и ход эксперимента.

Научный сотрудник показывает нам журнал, который вел космонавт: «Невесомость начал ощущать с плавного отделения от сиденья и отделения ног от пола кабины. Ноги, если их не напрягать, зависают в воздухе. В руках чувствуется необычная легкость... воду пить легко, и вкус ее не меняется. Попробовал вылить воду, а она шариками повисла в воздухе и уплыла за мою спину. Пробовал писать — никаких затруднений. Передал радиограмму — тоже... В третий полет взял с собой конфету и в состоянии невесомости выпустил ее. Попробовал поймать ртом. Сначала не поймал, а потом поймал и с удовольствием съел».

— У Валерия и Валентины,— продолжает научный сотрудник,— от природы очень устойчивый вестибулярный аппарат. Во время тренировок они отлично переносили состояние невесомости. Быковский никогда не терял пространственной ориентировки. Это и отмечено в его летной характеристике. Валерий хорошо водит машину в перевернутом полете и вне видимости горизонта.

Он отлично выдерживал и тренировки на центрифуге. Вот как Валерий Быковский описывает свои ощущения:

«...При увеличении перегрузок было какое-то приятное чувство небольшой скованности, все тело как-то напрягалось само собой. Это происходило, наверное, благодаря ранее выработанному рефлексу перед наступающими в полете перегрузками. При увеличении перегрузок чувствовалось большое давление на грудную клетку. Расстройств зрения не было, торможение перенес хорошо, после остановки приятно, очень легко дышать, самочувствие хорошее. При еще большей перегрузке дыхание затруднено. Разговаривать тяжело».

— А как же женщина переносит такие перегрузки?

— Женщина-космонавт проходит полный курс тренировок на центрифуге. Перегрузки при этом постепенно увеличивались и достигали таких, какие возникают при взлете ракеты и при возвращении космического корабля на землю. Оказалось, что женский организм приспосабливается к ним не хуже мужского.

— Нельзя ли побывать там, где космонавты тренировались?

— Пожалуйста...

Небольшое помещение с круглым, как иллюминатор, окном. У стены — стол и стулья. Тускло поблескивают стекла приборов.

— Это термокамера,— объясняют нам.— Быковский и Терешкова привыкали здесь переносить высокие температуры. Тепловое воздействие — серьезная функциональная нагрузка на человеческий организм. При этом выясняются индивидуальные особенности физиологических реакций.

В термокамере ведутся сначала ознакомительные исследования, потом следует серия тренировок и, наконец, исследования контрольные.

— А можно ли и мне испытать воздействие высоких температур? Конечно, не по всей программе,— попросил один из нас.

— Если угодно. Только предупреждаю — не хныкать, не жаловаться... Договорились?

— Согласен!

рбиты

Валентина Терешкова во время тренировки.

Фото В. Жихаренко, В. Базанова и С. Баранова.

Его раздевают, накладывают датчики, чтобы фиксировать деятельность сердца, кровяное давление, и вот уже дверь за врачом закрылась, он вышел. В динамике раздается вопрос: «Готов?» «Готов!»

Стрелки приборов вздрагивают, что-то тихонько урчит, и в камере становится теплее.

Сперва это ощущение наступившей теплоты даже приятно, но потом тебя кидает в жар... Пот заливает глаза, дышать трудно, кровь словно кузнечным молотом бьет в виски, а температура все повышается. Прежде всего это ощущают уши. Шевельнешься — и горячий воздух обжигает их. Ну, как на полке в бане, когда поддадут побольше пара. Только воздух в термокамере не влажный, он такой же, каким мы дышим и каким будут дышать космонавты в полете.

Он сидит не шевелясь, обливаясь потом и думает, что для первых ознакомительных исследований «хлебнул», как говорится, вполне достаточно. К счастью, того же мнения придерживались и врачи,— подана команда заканчивать опыт. До чего же, черт возьми, хороша обычная температура!

— А как Валентина Терешкова переносила тренировки в термокамере?

— Как и у всех космонавтов, тепловые нагрузки вначале вызывали ряд изменений в ее организме. Но ненадолго. Вообще надо сказать, что человек может быстро приспособиться к воздействию высоких температур.

Что же, это приятно слышать. Он покидает термокамеру с надеждой, что и его организм тоже приспособится к воздействию высоких температур и изменения, которые в нем произошли, быстро исчезнут.

...Сурдокамера — маленькая комната, полностью изолированная от внешнего мира. Сюда не проникает дневной свет, не долетает ни звука — абсолютная тишина.

— Здесь,— рассказывает научный сотрудник,— Валерий и Валентина провели много времени. Исследования в сурдокамере позволяют установить нервно-психическую устойчивость человека. Одиночество, изоляция от внешнего мира, отсутствие привычных шумов прежде всего сказываются на двигательной реакции человека. Вот посмотрите.— Научный сотрудник показывает нам лист бумаги, на котором нарисованы спирали и звезды.— В первые дни испытаний такие фигуры рисовались за 15—20 секунд, а под конец — за 35—37. Явная замедленность движений. Менялись и физиологические функции человека. Частота сердечных сокращений к концу эксперимента увеличилась, а частота дыхания уменьшилась. Падало кровяное давление. При длительном пребывании во время исследований в сурдокамере мы заметили, что снижается умственная работоспособность, уменьшается интерес к проводимому опыту, ослабляется критика собственных действий, появляется безразличие к окружающему. Все это результат снижения возбуждаемости центральной нервной системы.

— Как с этим бороться?

— Разработан специальный режим труда и отдыха для космонавта. Этот режим восполняет недостатки движений и отсутствие привычных слуховых и зрительных раздражителей. Быковский и Терешкова, проходя тренировку в сурдокамере, показали исключительную способность к активному отдыху, расслаблению и быстрому возвращению к деятельному состоянию по точно разработанному режиму. У Быковского, например, за время пребывания в сурдокамере пульс колебался в пределах 60—72 ударов в минуту, суточная периодика была выражена не резко. Температура тела не изменялась.

Большое значение при исследовании в сурдокамере имеют волевые качества космонавта, сознание своего гражданского долга, ответственность за выполнение поставленной задачи. Эти качества особенно нужны космонавтам при длительных космических рейсах. Опыты показали, что Валентина Терешкова и Валерий Быковский обладают ими в полной мере.

...В зале макет космического корабля, на котором космонавты пять и шесть совершали полеты. На стенде два скафандра — мужской и женский, различное оборудование и снаряжение космонавтов. Нам рассказывают, что после полета Николаева и Поповича в конструкцию корабля, в некоторое снаряжение внесены улучшения.

Тренировки в макете корабля и на тренажерах в подготовке космонавтов занимали особое место. Здесь отрабатывались и уточнялись полетные задания, здесь приобретались навыки управления кораблем в самых различных условиях, притом и в аварийных ситуациях. Эти исследования помогли врачам получить исходные данные для характеристики нервно-психической сферы и работоспособности космонавтов, их физиологических функций в условиях, максимально приближенных к космическому полету.

Тщательно проверялась вся техника: системы регенерации и кондиционирования воздуха, скафандр, кресло, водоснабжение, средства связи, регистрирующие аппаратуры и т. д.

— А как вы наблюдали за самим космонавтом?

— В макете корабля Валентина жила точно по расписанию предстоящего полета. Ела, спала, выполняла все действия, предусмотренные заданием. При этом создавались шумы, которые могут возникнуть в ракетном полете. Космонавт находилась под непрерывным наблюдением врачей. По приборам они следили за ее физическим состоянием, периодически брали психические и вестибулярные пробы. Велось исследование и нервно-психической сферы: сравнивали магнитофонные записи отчетных сообщений космонавта.

Валентина пунктуально выполняла распорядок дня. Ее нервно-психическая сфера блестяще выдержала все испытания. Вот послушайте сами.

Научный сотрудник включил магнитофон, и мы услышали теперь уже известный всему миру голос «Чайки» — она передавала очередное отчетное сообщение. Мы спросили:

— А как чувствовала себя Валентина в конце тренировки?

Вместо ответа был включен магнитофон с новой пленкой.

Опять звучит голос космонавта, звучит четко, спокойно, так же, как и в первый раз.

— Обратите внимание: почти никакой разницы,— говорит научный сотрудник.— Та же эмоциональная окраска — бодрая, ясная. И работоспособность у Терешковой не снижалась. Она все время чувствовала себя хорошо.

— А космонавты пять и шесть питались так же, как Николаев и Попович?

— В основном да. Они широко применяли «земные» продукты. Их суточный рацион составлял до трех тысяч калорий, и они все съедали без остатка. Пища была хорошая, вкусная, меню разнообразное — большой ассортимент гастрономических, кулинарных и кондитерских изделий.

— А что помещалось в этом вот сосуде?

— Это трехслойный полиэтиленовый резервуар для консервированной воды. До заливки в систему и после опыта вода в лаборатории подвергалась тщательному анализу.

— Как защищены космонавты от воздействия радиации?

— Ученые научились составлять точные прогнозы изменения солнечной радиации. «Восток-5» и «Восток-6» вышли на орбиты при наиболее благоприятной радиационной обстановке, безопасной для человека. Тем не менее корабли имеют специальную защиту от воздействия корпускулярного излучения солнца.

Земля во все время полета внимательно следит за радиационной обстановкой на маршруте кораблей и в случае ее изменения может предупредить космонавтов. Да и на борту корабля есть приборы, которые подадут сигнал о радиационной опасности. Все это исключает возможность лучевого поражения космонавтов, гарантирует благополучное завершение беспримерных полетов.

А. ГОЛИКОВ,
И. КАСЬЯН

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ, пакистанский поэт

УВЕНЧАННАЯ СТАЛЬЮ ПЕРИ

Сбылась мечта поэтов наконец,
Художников мечта из золота и сини.
Сегодня былью стали все виденья
Старинных сказок,
Тех, что с детских лет мы жадно слушали
И часто вспоминали,—
Рассказ о девушке небес, прекрасной пери,
О звездной пыли на кудрях и утренней звезде
Во лбу,
О легком облаке весеннем
Под троном из душистых роз.

Мечта сбылась и стала жизнью,
Не так, как в сказках,
Лучше, чем в стихах.
Не пери снизошла на землю,
А девушка земли взлетела
Туда, где издавна мечты рождались.
Не розы украшают колесницу ее,
А сталь,
Не утренней звездой и не Плеядами она прекрасна —
Улыбкой,
Нежною и жаркой,
Прекраснее дыханья роз под солнцем
И ослепительней
Сверкания алмазов.

Перевела с урду
М. САЛГАНИК.

МАСКИРУЮЩИЙСЯ КАПИТАЛИЗМ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Представим себе, что какой-нибудь юноша из Москвы, перенесясь по воздуху в могучем «ТУ-114», опустился на землю и оказался в самой гуще нашей западной жизни. Некоторые внешние стороны этой жизни могли бы, пожалуй, создать у него впечатление прочного, устоявшегося порядка, функционирующего, как хорошо отрегулированный механизм. Однако истинная суть вещей никогда не лежит на поверхности. Она в той реальной жизненной сердцевине, которая скрыта под внешней оболочкой, так сказать, под кожей вещи. Кожа нашего нынешнего западного мира может показаться на первый взгляд здоровой. На самом же деле сердце, легкие, печень — все поражено у нас неизлечимой болезнью. Чтобы поставить диагноз этой болезни, чтобы увидеть современный капиталистический мир в его подлинном состоянии, нужен научный, я бы сказал, клинический подход.

Неверно было бы сказать, что капитализм уже сегодня совершенно бессилен. Но еще более лживо и нелепо утверждение его идеологов, что он могуществен. Да, он во многом еще сохранил свою силу, но сила эта часто балансирует сегодня на острие ножа. Всякий, кто живет в западном мире, ощущает это.

Ошибаются и те, кто говорит, что капитализм остался неизменным. Нет, он кое в чем изменился. Что принудило его измениться? Прежде всего — существование социализма как мировой системы. И, во-вторых, гигантское давление снизу. Не всегда легко заметить следы воздействия мирового социализма на капиталистическую систему. Но в наше время капиталистическому миру приходится, так сказать, брать на вооружение кое-что из арсенала социализма, разумеется, для того, чтобы замаскироваться, чтобы подольше протянуть. В Англии, например, были национализированы железные дороги, электроэнергетика, угольные шахты, и кое-кто выдает это за социализм. Однако металлургия, машиностроение, легкая промышленность, банки, страховые компании, все виды торговли продолжают оставаться в частной собственности капиталистов.

Капитализм — в прямом противоречии со столь дорогим ему принципом неограниченной «свободы частного предпринимательства» — вынужден был взять взаймы у социализма и некоторые элементы плановой экономики, опять-таки в расчете на то, чтобы выдержать состязание с социализмом на экономической арене. Однако это по-прежнему ведет только к дальнейшему накоплению капитала в руках кучки собственников — это было предсказано Марксом еще много, много лет назад. Почитайте сегодня наши газеты — и вас поразят огромные статьи на первых полосах, рассказывающие о «переуступке предприятий» или «перепродаже собственности». Речь идет о том, что какая-нибудь огромная корпорация проглатывает другую, не менее огромную. Вот недавний пример. Наш химический гигант «Империэл кэмикл индастриз» попытался сожрать крупнейшую компанию синтетических волокон Курто с капиталом в сотни миллионов фунтов стерлингов. А ведь концентрация капиталов в этой отрасли и без того достигла 89 процентов! Если нужны другие примеры по Англии, — возьмите нефтеперерабатывающую промышленность (издавна — государство в государстве). Здесь крупные монополии владеют 87,5 процента всего капитала. Наши железные дороги национализированы, но паровозостроение и вагоностроение — все еще в частных руках, и 82 процентами распоряжаются монополии. В табачной промышленности — 80 процентов, в сахарной — 78, в промышленности взрывчатых веществ — 74,5. Все эти цифры отнюдь не из «левых» источников, их можно увидеть в брошюре «Пожиратели монополий», выпущенной партией консерваторов.

Маркс сказал, что наступит день — и все гигантские монополии будут превращены в достояние всего общества; этот акт будет сравнительно легко осуществить, поскольку в недрах монополий уже существуют значительные элементы плановой экономики, хотя при капитализме они служат не общественному благу, а все тому же накоплению прибылей. Что прежде всего нужно сделать, так это «экспроприировать экспроприаторов». Многие из этих мощных капиталистических компаний могут в одну ночь превратиться в хорошо работающие социалистические предприятия.

Подлинная проблема, однако, совсем в другом, в принципе частной собственности — в эксплуатации, какими бы благочестивыми формами это ни маскировалось. Эксплуатация может существовать только в мире, который открыто дает право отдельным индивидуумам обогащаться за счет других. В западном обществе из таких индивидуумов состоят правящие классы.

Мораль, которая пытается замаскировать это хищническое «право» словами, вроде «свобода инициативы», «свобода выбора» или «свобода личности», и есть мораль капитализма. Капитализм питает индивидуализм и поэтому ненавидит коллективизм, человека социального. Изолированный индивидуум — вот суть и основа всей «западной культуры». Этому индивидууму разрешается иметь индивидуальную совесть, индивидуальные чувства, индивидуальное образование и столько денег, сколько он может получить в результате своих личных, индивидуальных усилий. Человек может быть таким индивидуумом, каким сумеет стать; важно только, чтобы он был именно индивидуумом, частным лицом. Стоит ему попытаться проявить ответственность за социальное целое, за все общество — и он натолкнется на яростное сопротивление капиталистической морали: «Только не это! Это коммунизм!»

Жизнь повелительно требует, чтобы были коренным образом изменены основы этой «системы», среди них и моральные основы. Этого требует народ, который все больше убеждается, что «мораль» капитализма прогнила до самых корней.

Лет тридцать тому назад ученые, вроде лорда Кейнса, писали толстые книги больше экономического содержания. Сейчас множество разного рода «экспертов» трудится в поте лица, разыскивая новые средства маскировки для капитализма в другой области — в области морали и социологии. «Эксперты» вовсю стараются найти оправдание старому общественному строю, приписать ему некие «новые черты» и помочь таким образом отбить все усиливающийся натиск народных масс.

Уже не в солидных томах типа кейнсовских делаются эти попытки. Этим занялись либеральные журналы и многие газеты. Вот перед нами «Обсервер» — еженедельник, принадлежащий одному из младших отпрысков семьи лордов Астор.

Линия, которую ведет этот орган, просто восхитительна. «Обсервер» то и дело гневно обрушивается на слишком очевидные «глупости» капиталистической системы, ясно видя, что сейчас уже опасно пользоваться отжившими методами капиталистического обмана. Газета «поддерживает» африканцев, выступающих против колониализма, выражает сочувствие некоторым надеждам трудящихся классов, одобряет различные международные мероприятия, способствующие разрядке напряженности в мире. Что касается внутренних дел, то «Обсервер» проповедует нечто вроде рационализированного, построенного на разумных компромиссах, даже почти «социалистического» капитализма. И, разумеется, «Обсервер» мечтает о возникновении «новой морали», которая будет приспособлена к новым условиям и заменит собой старое лицемерие уходящего порядка. Газета, например, охотно печатает «смелые» статьи некоторых епископов и прочих священнослужителей, в которых доказывается, что библейское представление о боге и морали утратило свою ценность и что самого Христа следовало бы приспособить к реальной действительности, то есть к капиталистическому грабежу.

При всем том нет ни малейшего намека на изменение основ «системы» — частной собственности на средства производства и грубейшей эксплуатации. Все остается в пределах «осуждения», а заодно маскируются самые вопиющие язвы одряхлевшего строя.

Главная мишень, куда нацелены все эти рассуждения о «новом устройстве жизни»,— это молодое поколение интеллигенции, бунтующая рабочая молодежь, разочарованные студенты, недовольные «средние слои», люди свободных профессий. По сути дела, с помощью таких маскировочных операций, которые осуществляет «Обсервер» и ему подобная печать, идет вербовка кадров защитников «системы» в целом.

Несмотря на все заигрывания с недовольными, политика этих «новый деятелей» из «Обсервер» и прочих ничем в основе не разнится от политики наших правящих кругов, которые всегда прибегали к подобным приемам, лишь бы удержать и закрепить свое классовое господство. «Новые деятели» как две капли воды похожи на старых.

Хозяева нашей «системы» сознательно и целеустремленно ищут все новые формы лицемерия и обмана, чтобы ослабить волю масс к действию, к борьбе. Они тратят на это многие миллионы фунтов и все-таки не могут похвалиться успехом.

Увидел бы все это «молодой человек из Москвы» с первого взгляда? Едва ли. Но одно он понял бы очень быстро после того, как завеса лжи и фальши, свойственная капитализму, рассеялась бы перед его глазами. Он увидел бы то, что народ веками создавал вопреки капиталистическому хищничеству, что является плодом народного труда в течение многих столетий. И когда-нибудь народ будет обязательно отстаивать это свое достояние с упорством и силой, на которую не способен одряхлевший капитализм.

Лондон.
Передано по телефону АПИ.

Говорят делегаты Всемирного конгресса женщин

В Кремлевском Дворце съездов торжественно открывается Всемирный конгресс женщин. Со всех континентов, более чем из 120 стран, съехались женщины на свой форум, поистине великий, необыкновенный форум, делегатом которого будет первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова. О дружбе женщин всей земли, об их солидарности в борьбе за свои права, за мир, за счастье детей будут говорить женщины на конгрессе, и выступления их будут озарены замечательным подвигом мужественной дочери страны социализма, проложившей наравне с мужчинами новую небесную трассу и солнцу, и звездам.

Мы встретились с делегатами конгресса — Киоко Хасегава из Японии, Сезой Набарауи из ОАР, с членом советской делегации Анной Андреевной Гриненко.

— Могла ли я мечтать о том, что когда-нибудь увижу первую женщину-космонавта! — восклицает Киоко Хасегава, заведующая маленьким детским садом в японском городе Мито.

...Несколько лет назад Киоко Хасегава была воспитательницей в детском саду.

— Мне не нравится, как ты работаешь,— сказала ей как-то директриса. — Все дети для тебя равны. Неужели ты не понимаешь, что детям из состоятельных семей нужно уделять больше внимания, заниматься с ними, развивать их способности!

— Нет, это несправедливо,— возразила Киоко.— Воспитатель ко всем детям должен относиться одинаково.

Слова Киоко не понравились директрисе. А через некоторое время, когда Киоко Хасегава организовала в профсоюзе учителей группу дошкольных работников и возглавила их борьбу за повышение заработной платы, когда стала она принимать активное участие в движении за мир, ее уволили с работы. Однако многие родители, чьих детей воспитывала Киоко, не согласились с этим.

— Мы уважаем и ценим вас,— сказали они Киоко,— и не дадим вас в обиду.

Люди эти — рабочие машиностроительного завода, крестьяне, учителя — собрали деньги, выстроили в Мито свой детский сад и назначили Киоко Хасегава его заведующей.

Матери воспитанников Киоко Хасегава и члены профсоюза учителей выбрали ее своим делегатом на Всемирный конгресс женщин.

— Мне очень хочется, чтобы дети наши не знали ужасов войны, никогда не встретились с тем, что пришлось пережить нам. Я верю, что конгресс в Москве внесет огромный вклад в дело мира. А вернувшись в Японию, я обязательно расскажу своим малышам о том, как живут их сверстники в Советском Союзе, расскажу им о Валентине Терешковой. И пусть ее мужество, ее подвиг вдохновят их на благородные поступки, на хорошие дела.

Вице-президент Международной демократической федерации женщин госпожа Сеза Набарауи была в Москве, когда радио сообщило волнующую весть — космический корабль «Восток-6» пилотируется женщиной.

— Я не нахожу слов, чтобы передать охватившие меня чувства,— сказала Сеза Набарауи.— Сначала я засмеялась, а потом по моему лицу хлынули слезы. Ведь всю свою жизнь я посвятила борьбе за равноправие женщин в обществе и в семье, за наши политические и социальные права. И вот Валентина Терешкова поднимается так высоко над миром и доказывает, что женщина везде и во всем, на земле и в космосе равна мужчине!

Я вспоминаю себя сорок лет назад... В 1923 году мы, моя подруга Худа Шаруи и я, основали первую в нашей стране женскую организацию — Союз египетских женщин. И тогда же мы поехали с нею в Рим на Международный женский конгресс. Мы были там единственными представительницами Африки, и на нас все смотрели, как на чудо. Мы узнали о той борьбе, которую ведут за свои права женщины в других странах, и это еще больше укрепило наше намерение бороться за раскрепощение наших женщин. И, как первый вызов, который бросили мы своему вековому унижению, мы, возвратившись в Каир, не опустили на лица покрывала, первыми прошли по улицам этого города с открытыми лицами. Какими далекими кажутся сейчас эти времена!

Женщина Страны Советов штурмует космос! И это возвеличивает не только ее страну, не только советских женщин, но и женщин всего мира.

Слава тебе, Валентина Терешкова!

— И я убеждена, что полет Валентины Терешковой в космос — подарок нам, женщинам, к нашему конгрессу,— улыбается Анна Андреевна Гриненко, директор «сладкой» фабрики «Красный Октябрь».— И потому мы у себя на кондитерской фабрике приготовили для Валентины Владимировны свой ответный подарок — специально для нее изготовленную коробку наших самых лучших конфет.

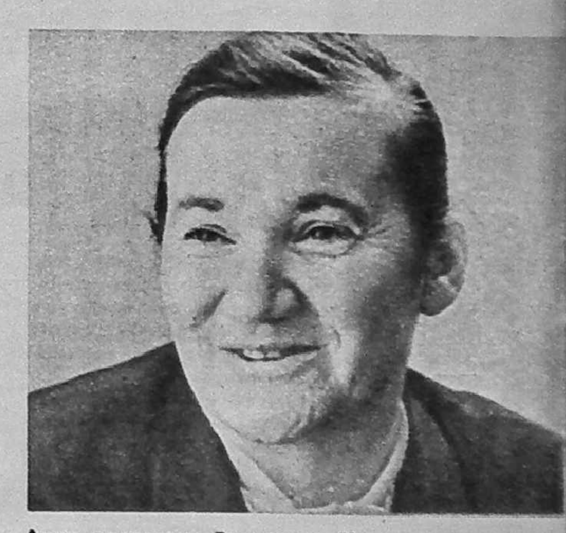
...Ничего необычного нет в жизни Анны Андреевны. Она родилась в 1917 году в крестьянской семье. Училась в сельской школе, потом переехала в город, поступила на рабфак. После окончания института Анну Андреевну направили на кондитерскую фабрику. Она была технологом, начальником цеха. А последние десять лет руководит кондитерской фабрикой «Красный Октябрь».

— Я счастлива была узнать, что наша славная космонавтка — обыкновенная советская девушка, работница, коммунистка, каких тысячи в нашей стране,— говорит Анна Андреевна.— Посланницы женщин всего мира увидят ее на конгрессе, увидят, чего может достигнуть обыкновенная женщина, если перед нею, как в нашей стране, открыт безграничный простор для развития своих талантов и дарований.

Л. КАФАНОВА
Фото Риммы Лихач.

Киоко Хасегава: «Могла ли я мечтать о том, что увижу первую женщину-космонавта!»

Сеза Набарауи: «Подвиг Ваш возвеличивает всех женщин мира»

Анна Андреевна Гриненко: «У нас много таких девушек, как Валя!»

●

О нет, не высохнет река,
Та, что в душе у нас течет,
Пока в руке твоя рука,
Надежда наша не умрет.
И мы сегодня, как вчера,
Стоим плечом к плечу, сестра.

Этот рисунок Маргариты Тенгарриньи — подарок конгрессу от португальских женщин. Стихотворение написала политзаключенная тюрьмы «Кашиас» Авда Ногейра.

ТВОЙ ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Галина ШЕРГОВА

Столетия рисовали твой портрет: матерью-мадонной, ступающей по облакам, делала тебя кисть живописца, крылатой Никой-победой ваял тебя скульптор, замыкая в мрамор биение ветров, поэты стелили к твоим ногам мерцающие тропы Вселенной.

Я знаю тебя земной. Я видела тебя, когда ты беженкой шла по дорогам войны, по облакам пыли, прижимая к груди младенца, и никакие мадонны не могли соперничать с тобой.

Я помню, как за твоей спиной, спиной солдата, трепетала плащ-палатка, подобная крыльям победы, но ее линялый брезент был бессмертнее любого мрамора.

Ты шла к звездам, женщина России.

У тебя долгая и славная биография, миллионы русских имен, хотя сегодня тебе всего двадцать шесть лет и мир называет тебя одним именем — Валентина!

Подруги из братских партий имели сегодня особое право на гордость и могли сказать вместе с лидером американских коммунистов Элизабет Флинн:

— Подвиг Валентины наполнил гордостью сердца женщин во всем мире. Она счастливая посланница миролюбивой страны, посланница мира, которого жаждут все женщины на земном шаре.

Тебе передала слова восхищения королева Бельгии Елизавета и болгарская работница Тодорка Баримедова, которая, распахнув окно, крикнула прохожим: «Слушайте, все слушайте: советская женщина в космосе!»

В эфире прозвучал голос Йованки Броз — супруги президента Социалистической Федеративной Республики Югославии:

— Каждый полет советских космонавтов являлся выдающимся событием, которому я искренне радовалась, ибо в этом видела громадное достижение советской науки и науки вообще. Но особенно большую радость вызвала во мне весть о том, что именно советская женщина первой выполнила это великое задание.

А с другого конца земли ей откликалась японка Анико Сэки, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»:

— Я говорю «ура» успешному запуску в космос первой в мире женщины-космонавта. В то время, когда советские женщины блестяще демонстрируют свои успехи в покорении космоса, женщины Японии все активнее включаются в борьбу за мир, в борьбу против захода в японские порты подводных лодок со смертоносным грузом ракет «Поларис» на борту.

Сегодня вдруг обрели плоть мифы древних и еще теплые легенды современников. Сегодня стало особенно понятным, почему поэты и художники, творя образ жизни и победы, рисовали женщину.

Но есть и небывалое в том, что нынче увидел мир, есть такое, о чем не мечтали трубадуры прежних веков. Алое пламя, взметнувшееся за твоей ракетой, стало похожим на стяг, поднятый над землей, символизирующий строй социализма, сделавший законом бытия равноправие женщины. И, конечно, те, кому не довелось испытать счастье равноправия, не могли в этот день не думать о нем. Шведская журналистка Анна Шульц сказала:

— Для меня, пожилой женщины, это событие имеет особое значение. Когда-то в юности, в университете Стокгольма, я изучала астрономию, очень увлекалась этой наукой, пыталась посещать обсерваторию. Но из всего этого ничего не вышло. Дело в том, что доступ в стокгольмскую обсерваторию был закрыт для женщин. Меня и других девушек прогоняли, когда мы приходили в обсерваторию. И сейчас вот здесь, в Москве, я узнала о космическом рейсе Валентины Терешковой. Вы понимаете мои чувства? Я не только вместе со всеми горжусь подвигом этой девушки. Я восхищаюсь ею и восхищаюсь вашей страной, которая всему миру дает образец подлинного равноправия женщин.

Кстати сказать, твой старт, Валя, совпал в Америке с традиционным «Днем отцов». Но сенсация твоего полета была так велика, что американские газеты шутили: «Не стоило ли «День отцов» переименовать в «День женщин»?». И хотя американские женщины тоже испытывали гордость за тебя, они не могли не разделять некоторого сожаления, которое прозвучало в словах Джерри Кобб, американской летчицы, прошедшей испытания по подготовке космонавтов к полету: «Настанет день, когда и мы пошлем женщину в космос. Однако жаль, что не мы первые это сделали».

Эфир звучал взволнованными, радостными и веселыми голосами. Редактору польского сатирического журнала Стефании Гродзеньской, сказать по чести, было приятно, что женщины могут соперничать с мужчинами и в остроумии:

— Я уверена, что на сей раз первенство в рассказывании шуток на самую актуальную тему — космическую — будет принадлежать мужчинам, особенно тем, которые боятся сесть в самолет, чтобы пролететь, скажем, из Варшавы в Краков. Ведь известно, дорогие мои мужчины, что один из главных источников постоянных шуток — это зависть и чувство некоторой своей неполноценности. Но я, со своей стороны, восклицаю сегодня от имени всех женщин мира: «Да здравствует Валентина Первая!»

— ...Да здравствует Валентина Первая! — говорим и мы.

Парижанки о русской Вале

Когда в воскресенье вечером над французской столицей впервые появился советский космический корабль «Восток-6», сиявший, как звезда первой величины, парижане сказали:

— Это блестят глаза Валентины.

Глаза советской девушки Вали Терешковой пленили Париж. По нескольку раз в день их показывают по телевидению. Они смотрят на нас с первых страниц французских газет и журналов. Валя затмила всех красавиц Парижа. Никто сейчас не вспоминает о Брижит Бардо; если бы она попалась в эти дни в руки репортеров радио и телевидения, ей задали бы тот же вопрос:

— Что вы думаете, Брижит, о полете Валентины Терешковой?

Именно этот вопрос задала французским женщинам — знаменитым и незнаменитым — корреспондентка газеты «Франс суар» Кармен Тессье.

— Для меня,— сказала врач Жаклин Н.,— это очевидное доказательство того — причем в мировом масштабе,— что женщины нисколько не слабее мужчин и что они могут так же хорошо переносить все трудности и приспосабливаться к необычным условиям.

— Если бы была возможность тренироваться, я, не раздумывая, стала бы космонавтом,— заметила Рейн Лекур, чемпионка воздушного пилотажа.— Я сожалею, что это пока невозможно во Франции. Наберемся терпения.

— Это потрясающе! — сказала Шейла, молодая певица.— Я очень хотела бы быть на месте Валентины!

Мадмуазель Кьерст, немецкая студентка 20 лет, усомнилась в себе:

— У меня не хватило бы мужества.

— Это фантастично! — воскликнула Мари-Жозе-Нат.— Она очень храбрая. Я бы соблазнилась, если бы была уверена, что вернусь... И все же даже сейчас я готова отправиться в путь!

Мадам Андрэ Жирар, шофер такси, покачала головой:

— Я немного сорвиголова, но эта Валентина совсем отчаянная.

— А я бы полетела,— заявила мадам Формантин, консьержка.— Ведь водят же женщины автобусы в Париже.

Валя покорила не только мужчин, она покорила женщин, а это куда труднее. Появись она сейчас в Париже, ее подняли бы на руках выше Эйфелевой башни, но что для нее такая высота!

...Есть у нашей советской звезды еще одно качество, которое тщетно стремятся заглушить сенсационные заголовки буржуазной прессы. Валя вошла в славу не в норковой шубке, а в скромном халате рабочей текстильной фабрики. Она из созвездия героев, рожденных социалистической революцией, из плеяды тех звезд, которые освещают человечеству путь к коммунизму.

Я говорил о Валентине Терешковой с ее французскими сестрами по классу и духу. Вот их ответы.

— Когда мы узнали о том, что в Советском Союзе запущен космический корабль, пилотируемый женщиной, наши сердца наполнились гордостью,— сказала мне секретарь федерации текстильщиков ВКТ Франции Берта Адан.— Но когда мы узнали, что Валентина еще два года назад работала на текстильной фабрике, мы чуть не заплакали от радости. Это возможно только в Советской стране, где женщине предоставлены равные права с мужчиной и где перед ней открыты все дороги. Это невозможно во Франции, где женщина-работница, какими бы способностями она ни обладала, не может подняться даже до уровня начальника цеха. Валентина — наша общая гордость. Ее подвиг — большая помощь нам, французским женщинам, борющимся за свои права.

— Это великая радость для нас всех,— сказала заместитель председателя Союза французских женщин мадам Рене Шабродье.— Мы радуемся, что этот подвиг совершен во имя мира и знаменует собой новый шаг на пути к миру.

Г. ДАДЬЯНЦ

Париж, 18 июня, по телефону.

Девчонки сегодня именинницы

К. ЮРЬЕВ

ПЯТЬ ИНТЕРВЬЮ В МОСКОВСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ

...и его экипаж.

НАС ЖД

Еще недавно они ожесточенно спорили в школе, на улице, дома. И всегда в споре побеждали мальчики, а девочки присылали в редакцию горькие письма, такие, как написала Дина Соловей: «Дорогая редакция! Ответьте на такой вопрос: возьмут ли девчонок в космос? Мальчишки говорят: «Не возьмут!» Правда это?»

Но вот наступили звездные дни — 14 и 16 июня. И забыты горячие дебаты. Летят взволнованные, восторженные поздравительные телеграммы ребят.

«Дорогой Валерий Федорович! Очень рады Вашему полету в космос. Наш отряд плыл по морю пионерских дел на корабле «Космонавт-5». С сегодняшнего дня корабль называется «Валерий Быков-

НАША СЕСТРА В КОСМОСЕ

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

Только что взглянули мы в прищуренные, черные глаза нового космонавта Валерия Быковского, улыбавшегося нам из скафандра. Но следующая новость ошеломила: в космосе женщина! И, конечно, гражданка нашей страны.

Примите восторг наш, нашу любовь, Валентина Терешкова, счастливого плавания вам в космосе, счастливого возвращения домой, на нашу милую землю.

Особенно радостно узнать о вашем подвиге нам, женщинам. В космосе — наша сестра, наш товарищ.

Это ваша сестра, Герой Советского Союза, летчик Марина Чечнева! Ваша сестра, победители полей, мастера урожая Турсуной Ахунова и Люба Ли! В космосе ваша сестра, подполковник запаса Ирина Левченко! Ваша сестра, дорогая Мариэтта Сергеевна Шагинян! Это и ваша сестра, капитан дальнего плавания Анна Щетинина.

Как же нам не радоваться, не гордиться!

Спасибо всему коллективу ученых и конструкторов, которые подготовили полет Валентины Терешковой.

Валюша! Заря! Ярославна!
Закончишь победный маршрут,
И пятеро братьев, как равной,
Сестре своей руки пожмут.

— Я хочу стать Главным Конструктором,— совершенно серьезно сообщила Таня Клокова. — И придумаю такой корабль, чтобы и для меня там места хватило!

— Самое главное — выбрать место на Луне,— сказали нам Света Соловьева и Нина Савчук. — А потом подадим заявление в космонавты и укажем, что уже изучили точку своей посадки на лунном глобусе.

— Ну что это за телескоп?—сердится Таня Сафронова. — Смотрю, смотрю, а Вали не видно. Вот возьму и изобрету космический бинокль, чтобы меня все могли видеть, когда сама полечу к звездам!

— Мне очень нравится Валя Терешкова,— говорит Панкова Галя. — Постараюсь во всем ей подражать и тоже полечу. Посмотрите-ка на портрет, по-моему, я даже немножко на нее похожа!

— Девчонки, конечно, сегодня именинницы,— признался Коля Домбковский,— но и нам, мальчишкам, в космосе еще местечко найдется!

ЕТ ЛУНА

ский». Желаем вам счастливого возвращения на Землю, здоровья, счастья. Экипаж корабля «Валерий Быковский». Краснодар».

Телеграммы, телеграммы, телеграммы. И, конечно, стихи.

Эдик Калустов посвящает вам свое стихотворение:

Брат и сестра в космос
взвились,
Два огонька в нашей жизни
зажглись.
Дорогу вперед продолжаете вы.
Поднимаете темпы нашей
страны.
Четыре героя, как братья,
летали.
Сегодня еще мы двоих увидали.
Шесть космонавтов, шесть
голубей —
Целая стая советских людей.

А когда радость бьет через край, хочется что-то совершить:

«В честь полета мы зажгли негасимый огонь, который горел сутки. Мальчики сконструировали и запустили две ракеты. Мы гордимся достижениями нашей науки и техники и верим, что, когда вырастем, обязательно побываем на Луне. Совет дружины пионерлагеря «Пограничник». Владивосток».

«Мы, пионеры саратовского лагеря «Зеленая горка», в честь Вашего полета провели футбольный матч с другим лагерем и выиграли. Ждем вас на родной земле».

А из Новотроицка, Оренбургской области, пришла такая требовательно-категорическая телеграмма:

«Просим передать наш пионерский привет героям. Мы все хотим быть космонавтами. Четыре отряда носят имена летчиков-космонавтов. Сегодня в лагере появились пятый и шестой космические отряды. Ждем следующих космических полетов. У нас в лагере десять пионерских отрядов, и каждый из них хочет носить имя космонавта».

И, конечно, ребята рассказывают о своих космических мечтах, просят совета, как готовиться к будущей профессии. Теперь пишут и мальчики и девочки.

«Я хочу быть космонавтом. А как готовиться, чтобы быть космонавтом, я не знаю. Я учусь хорошо и делаю зарядку каждый день. Сначала я не любил заниматься зарядкой. А теперь, когда начинаю заниматься, мне становится так весело, даже хочется смеяться. Еще я прыгаю через скакалку каждый день. Напишите, пожалуйста, что еще нужно делать будущему космонавту. Первоклассник Витя Должиков».

Будем надеяться, что многие авторы этих строк поведут космические корабли.

Т. КОПЫЛОВА.

Рисунок Володи Боровиченко.

(Сухуми).

СЧАСТЛИВЫХ ТРАСС!

Шутка

Власта СМРЖОВА

Наконец-то у нас, женщин, есть своя космонавтка!

Я думаю, недалек тот день, когда полет в космос станет таким же обычным явлением, как, скажем, служебная командировка. Вероятно, некоторые бухгалтеры уже начали разрабатывать командировочную смету: как оплачивать суточные, если сутки во время полета вокруг Земли сменяются через каждые 88 минут?

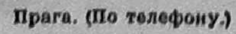
Мы, женщины, будем намного легче переносить некоторые трудности космического полета. Например, перегрузки. Что они для женщины, на которой висят домашнее хозяйство, капризный муж, дети, работа, общественные обязанности и прочее! Нарушения в вестибулярном аппарате тоже пустяки. У женщины и на земле частенько голова идет кругом...

При полете на Марс женщине следует соблюдать особую точность в ответе на вопрос: «Ваш возраст?» Ведь на Марсе год длится 687 дней...

Когда в космос начнут летать целыми семьями на воскресный отдых, мы, женщины, должны позаботиться, чтобы во Вселенной царили чистота и порядок. Мы не позволим оставлять бумажки на планетах, писать памятные даты на метеоритах и обрывать хвосты у комет.

Может статься, что в соответствии с теорией относительности в наше отсутствие на Земле пройдет много лет, и когда мы приземлимся, наши вышедшие из моды скафандры и головные уборы вызовут насмешливые улыбки модниц. Пусть будет так. И все же, милые подруги, несмотря ни на что, счастливых вам трасс!

Перевела с чешского
В. ПЕТРОВА.

Прага. (По телефону.)

— Подожди, не слезай! А вдруг еще кто-нибудь полетит?

Рисунок венгерского художника Андраша Месароша.

(Из газеты «Непсабадшаг» от 15 июня).

Ф. КРИВИН

Звезды

Трудно сосчитать, сколько на Земле звезд. Они ходят пешком и ездят в трамвае, и никто не подозревает, что они звезды. Их называют просто, как всех,— людьми.

Но однажды они выходят на свою орбиту, и тогда всем становится виден их свет. Этот свет ярче света обычных звезд, и его не может погасить время.

Потому что самые настоящие звезды — люди, хотя сами они порой забывают об этом.

●

Мечта

А все-таки первой в космосе побывала женщина — Мечта. Старик Разум еще волов погонял, а она уже на ковре-самолете летала, со звезды на звезду перепархивала.

Многим хотелось ее удержать, разглядеть поближе, да разве ее догонишь! Только теперь, в наше время, догнали, разглядели и даже в газетах портрет напечатали. И имя узнали — Валя. Красивое имя, понятное.

Догнать-то догнали, а удержать не смогли: кружит Валя над нашей Землей, не достать ее, не дотянуться. Но все-таки она к нам придет. Хорошие мечты всегда приходят к хорошим людям.

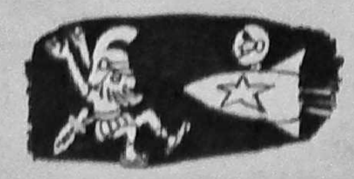
●

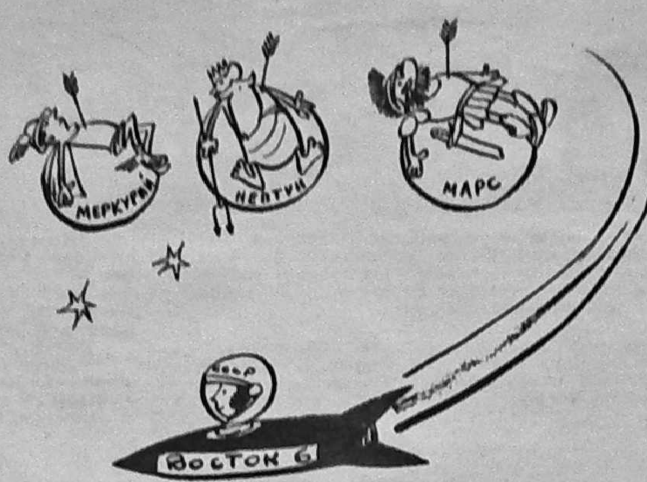
Слабый пол

Человечность, Любовь и Доброта издавна относятся к женскому роду. Может быть, поэтому они так часто оттесняются на второй план: слабый пол, ничего не поделаешь.

Но сегодня, когда над миром носится столько угроз, даже слабый пол становится сильным. И можно смело сказать: мир не собьется с пути, потому что в кабинах наших ракет — Доброта, Любовь, Человечность.

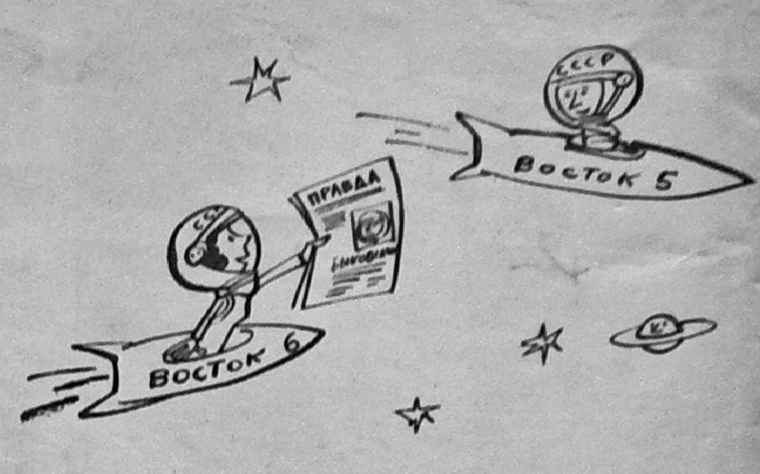
Ужгород.

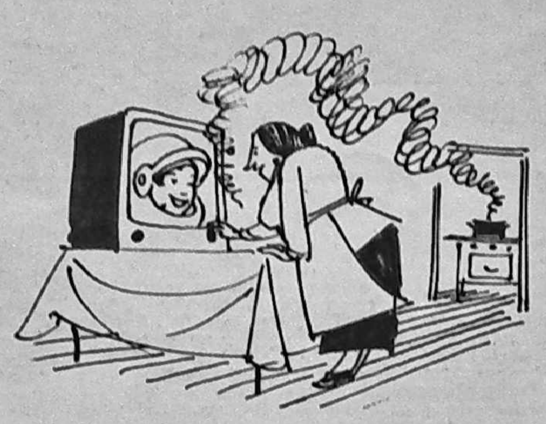
Всех поразила.

Рисунок Р. Овивяна.

— Валерий! Свежий номер!

Рисунок Р. Овивяна.

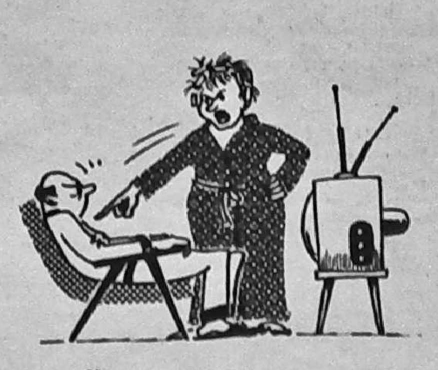
Забылась.

Рисунок Ю. Черепанова.

— Бабушка, я уже сделал сорок витков...

Рисунок В. Дрогалина.

— Или достанешь мне путевку в космос, или живо окажешься в состоянии невесомости.

Рисунок М. Каширина.

— Не хочу из соски, хочу из тюбика!

Рисунок М. Каширина.

На экзаменах.

— Эх, мне бы пятерку!

— А мне бы шестерку...

Рисунок Ю. Черепанова

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Озеро в Венгрии. 9. Басня И. А. Крылова. 10. Действующее лицо оперы «Запорожец за Дунаем». 12. Фарфоровый изолятор. 14. Врач. 15. Служебное сообщение, донесение. 16. Административно-территориальная единица в СССР. 19. Город в Краснодарском крае. 21. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 22. Образец из числа подобных. 25. Узкая, длинная лодка. 27. Птица, обитающая в Кордильерах. 28. Ряды полок. 29. Музыкальное произведение. 31. Пресноводная рыба. 32. Высокогорная страна в Азии. 34. Танец. 35. Букварь. 36. Южноамериканское животное.

По вертикали:

1. Продукт, добываемый из свеклы. 2. Мореплаватель XV—XVI веков. 3. Стремительно текущая вода. 5. Русская мелкая монета. 6. Звуковой сигнал. 7. Живопись на бытовые сюжеты. 8. Вид внешней торговли. 11. Скульптор, народный художник СССР. 13. Порт на берегу Каспийского моря. 17. Плотная парусина. 18. Цифровые данные, расположенные по графам. 20. Стихотворное произведение. 21. Торговая палатка. 23. Соцветие кукурузы. 24. Перерыв между отделениями концерта. 26. Металл. 30. Духовой инструмент. 31. Остров в Карибском море. 32. Грамматическая категория. 33. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

7. Курчатов. 8. Катерина. 10. Анималист. 11. Киоск. 13. Огарь. 15. Кроки. 16. Уклейка. 18. Крейцер. 20. Цейлон. 21. Дренаж. 25. «Выстрел». 27. Караван. 28. Илька. 29. Рампа. 31. Тираж. 32. Вариометр. 33. Запарник. 34. Элеватор.

По вертикали:

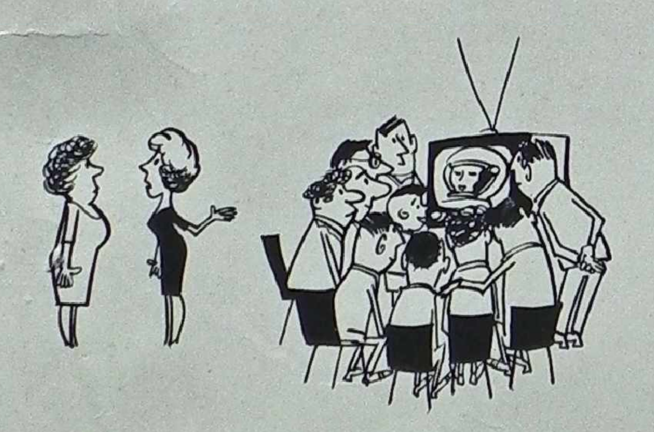
1. Кувшинка. 2. Гамак. 3. Коринка. 4. Сатирик. 5. Ленто. 6. Интерьер. 9. Фасоль. 12. Стереотип. 14. «Гайдамаки». 17. Колье. 19. Риека. 22. Вытантай. 23. Альбом. 24. Таганрог. 26. Лигроин. 27. Капелла. 30. Аверс. 31. Трава.

— Опять женский день!..
Рисунок В. Воеводина.

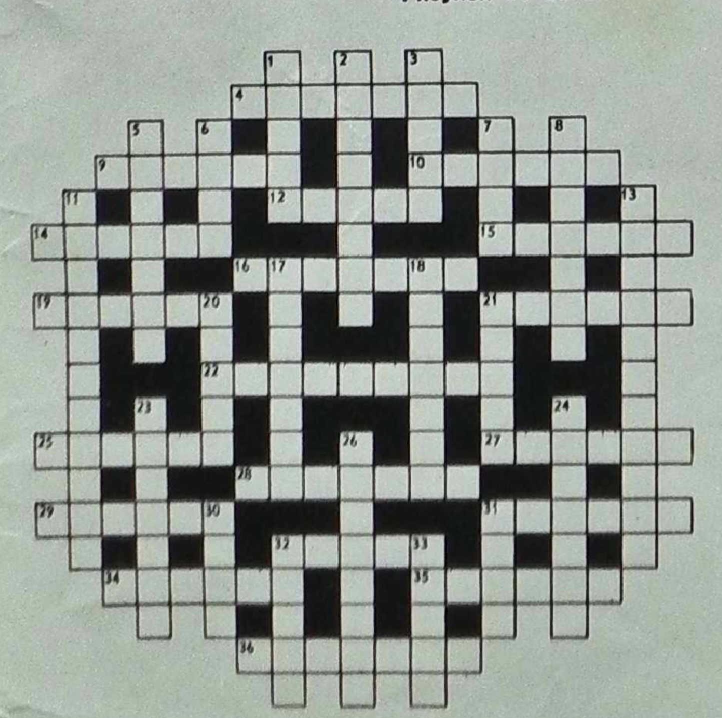

Сон в летнюю ночь.
Рисунок В. Черникова.

— Нам никак не удается увидеть Валентину в космосе.
Рисунок Р. Оивяна.

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ НА ПРИГОРОДНОМ КОСМОДРОМЕ.
Рисунок Ю. Черепанова.

На первой странице обложки:

Незадолго до отъезда на космодром Валерий Быковский и Валентина Терешкова побывали на Красной площади.

Фото С. Баранова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-28; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00411. Подписано к печати 20/VI 1963 г.
Формат бум. 70 × 108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1063. Заказ № 1482.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24

16 июня 1963 года. Делегаты Всемирного конгресса женщин из Чехословакии, ГДР, Болгарии, Индонезии с нежностью глядят в лицо, сразу ставшее таким близким, родным.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

«Расти, Валерка, таким же, как отец». Марина Попович и Валентина Гагарина пришли в гости к Валентине Быковской.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.